
Евгений Кожокару

Человек для продажи

Последнее изменение: 31 марта 2018

(с) Все права на эту работу принадлежат автору

1. Глава 1. Вступление

Истории... Как много их в этом мире. И каждая по-своему уникальна, каждая имеет что-то не похожее ни на что. Многие истории идут по одному сценарию: рождение, школа, университет, работа, свадьба, дети, смерть. И лишь детали меняются. И именно в этих деталях и заключается вся наша суть, то, что мы зовём жизнью.

Моя жизнь началась, как и у всех людей из моего квадранта с рождения. Точнее нет, начнём, пожалуй, не с этого. Надо, наверное, представиться.

Всем привет, зовите меня Кей, и я рождён для продажи! Напоминает приветствие из клуба анонимных алкоголиков. Мой отец пил, пил много, пил дома, на работе, после работы.

Видеть отца трезвым можно было только утром, когда он шёл чистить зубы и справлять малую нужду. Занимало это минут пятнадцать. После шёл на кухню, и вместо кофе пил заготовленную заранее жижу, которую называл «эликсир». Этот «эликсир» гнал он сам, и, если мне бы довелось бы его попробовать, то, наверное, я бы с вами не беседовал.

Отца ничего не брало. Казалось его организм настолько привык к алкоголю, что просто уже не мог без него существовать. Впрочем, возможно, так оно и было.

Человеческий организм привыкает ко всему. Организм отца привык к «эликсиру», мой организм – к постоянным перегрузкам. Причём как к физическим, так и к психологическим. Ещё в детстве я понял, что привычка отца – способ убежать. Убежать от того, что его ждало, а в последствие и меня. Он пытался отвлечься, находясь в постоянном похмельном синдроме, я же с детства любил астрономию.

Наука за несколько веков набрала невиданные обороты, и вот в двадцать первом веке, казалось бы, осуществилась мечта всего человечества – стали производить искусственные органы взамен попорченным болезнями и старостью. Трансплантация стала одной из самых развитых областей, наравне с моей любимой астрономией. Причём, если в астрономии я где то и что то разбирался, то в трансплантологии для меня всё было в новинку, и, каково было моё удивление, когда я столкнулся с этой областью как нельзя близко – на разделочном столе с катетером в руке и странной болью в голове. Впрочем, опять я спешу.

Моё детство прошло в небольшом городе квадранта К-19. Рос я смышлёным, но замкнутым. Тогда я это не понимал, так говорили моему отцу. Он лишь ухмылялся, и продолжал лакать свой «эликсир».

- Посмотрите на этого хулигана, - любила приговаривать моя тётка-сестра отца. -

Вырастет, и весь в тебя будет. Без работы, без перспектив.

- Вырастет, - кивал отец. - А там, сам будет выбирать.

Меня очень раздражало, что меня считали хулиганом, хотя ничего хулиганского я не делал. Разве что любил бегать к священнику за новой информацией. Школ в нашем городе не было, и священник заменял ребятне и учителя, и духовного гуру, и в целом – был примером для подражания. Однако его не любили – не принято было у нас проводить время в пастве вместо добычи руды для Компании. Всё надо было делать на благо общества, а общество тебе за это ответит прибылью. Такие отношения были приняты в моём детстве. И   годами мало что изменилось.

В один день, когда отец был в полупьяном, полу сонном состоянии, я снова сбежал к священнику. И каково было моё удивление, когда я застал его не одного, как обычно это было с утра, а с человеком в белых одеждах. И каково было моё удивление, когда этот человек обратился ко мне, незнакомому мальчишке, по имени. ашего произведения...

2. Глава 2. Человек в белом

- Что ты видишь, Кей? - Такие слова, без приветствия, без какого либо намёка на первое знакомство с 7-летним мальчишкой, коим я был при первой встрече, были произнесены в тот день человеком в белом.
- Дом священника, огород, дорогу в город, - без посторонних мыслей ответил я. Да, я был открытым ребёнком. Таково наверно воспитание в провинции.
- Дом человека, который потратил почти всю свою жизнь на воспитание таких вот мальчишек как ты, - произнёс человек в белом, доставая из кармана маленькую шкатулочку серебристого цвета. - Вредная привычка - курение. Я уже давно не курю, но этот портсигар мне дорог как память.
- Мой отец пьёт, - выдал я, без какого либо смущения. - И много. Пьёт, а после спит, затем идёт на работу, и снова пьёт. Это ведь тоже вредная привычка? Священник так говорил. Когда я убежал от отца к нему.
- И часто ты убегаешь от отца? К священнику?
- Он хороший, он учит нас совершать добрые поступки. А ещё научил читать и рассказал о звёздах, о науке.
- О науке? И много он рассказал о науке.
- Он говорит что наука - основа всего. И вера тоже. Именно благодаря науке и вере человечество выжило в годы войн. Он и про войны рассказывал. И о том, кто такой был Гитлер, и чего хотел. Хорошо, что мы выиграли.
- Действительно хорошо. Однако тебе не казалось странным, что священник, и говорит о науке, - констатировал человек в белом. - А о религии он что-то рассказывал.
- Конечно! Религия - это то, что у нас в душе, в сердце. Это то, во что мы хотим верить. А наука - это то, что у нас в голове, и то, что можно увидеть и, иногда, потрогать. Кроме земного притяжения. Его потрогать нельзя, но можно почувствовать. Особенно когда падаешь. Он так нам рассказывал, и даже показывал какие то фокусы.
- Какие фокусы? - заинтересовался человек в белом.
- Не помню. Помню только один. Как бумажки могут летать от палочки, натёртой шерстью. Он назвал это наукой и электричеством. Но не тем, что у нас в розетках, а другим.
- Статическим. - Заключил человек в белом. - А что священник рассказывал о своей жизни?
- Ничего. Рассказывал только, что не любит город, поэтому и переехал в наш район. Он говорит, чем беднее люди, тем они проще. А в городе все как пчёлы - работают для королевы. Он про пчёл рассказывал.
- А больше он ничего не говорил, про свою семью, про жену.
- У него нет жены! - Уверенно сказал я. - Иначе он был бы с ней, а не с нами. Зачем ему общаться с нами, если есть семья. Я бы всё время проводил с семьёй. Я тоже хочу семью.
- Ну, у тебя же есть отец. Он твоя семья.
- Отец пьёт. И мне, кажется, он не любит меня. Он почти не разговаривает со мной. И не рассказывает ничего.
- А о матери что-то отец тебе рассказал. - Спросил человек в белом, и как то странно на меня посмотрел.
- Рассказал только, что её нет. Он сам меня растит, и делает это как может. Но, говорит, что скоро я уйду от него.
- А ты хочешь уйти?
- Я люблю своего отца, хотя он пьёт. И священника люблю. Он меня учит. С ним интересно и весело. Особенно научные фокусы.
- Да. Священник. Ты кстати не видел его? А то я уже час как жду его.
- Он наверно в город поехал за едой.
- Да, наверное. В городе можно добыть еду, у вас тут как то с этим не густо. Ни одного магазина у вас я не заметил. Хотя город и впрямь как улей, прав священник. Шумно там, все бегают, все ищут что получше. Народу много, не то, что у вас, в вашем поселении. Ты был в городе, в самом его центре Кей?

- Нет, ни разу. Максимум мы заезжали в район трущоб. Так отец назвал то место, где мы покупали еду и одежду. Говорит дальше ехать бессмысленно – всё равно не хватит денег.

- Город – это уникальная часть нашего общества. Каждый город, не только нашего квадранта. Вроде город и большой, и людей много, но каждый в городе думает только о себе. Есть, конечно, исключения, например, многие семьи с детьми, но в последнее время каждый стал сам для себя семьёй. Каждый пытается попасть в лучшую часть города. А зачем? Ради денег? И что в итоге это приносит. В городе человек теряет веру и обретает науку. Так бы наверно сказал твой священник – проговорил человек в белом и спрятал свой портсигар.

- Я бы хотел посмотреть город! – сказал я. – Вы туда едете? Возьмите меня с собой.

- Не могу взять, да и не буду. Не правильно это – забирать тебя у отца. Он переживать будет. Да и не нужен тебе город. Тебе и здесь неплохо живётся. Отец даёт тебе еду для тела, священник – еду для ума. А в городе всё, что ты получил от отца и священника тебе придётся отдавать на благо Компании.

Тогда я в первый раз услышал о Компании. Точнее я слышал и раньше, отец говорил что он «рабочий муравей Компании», но я понимал компанию, как просто какую-то фирму, на которую работает отец. А человек в белом сказал Компания как то по-другому. Как будто Компания – это и есть город. Впрочем, как оказалось в последствие, истина была не далеко.

3. Глава 3. На дороге

Город, в пределах которого находился наш район, был один из самых развитых в нашем квадранте. Всего в детстве я знал пару районов: район Провинции, где я и родился и жил до подросткового возраста, район Трущоб, куда с отцом ездил за покупками и Центр, о котором был слышан из рассказов священника. Ещё был Рынок, но про него ходили плохие слухи. Продавали там всё, что можно было только найти. Особым спросом пользовался нелегальный товар, который торговцы находили во время своих выездов в Провинции наподобие моей.

Провинция – небольшой участок земли, окружённый лесами и озером, был для меня домом. Всего в моей Провинции было около 15 высотных и небольшое количество однотипных домиков-фургонов, в котором жили мы с отцом. Редко кто заходил к нам в гости, возможно, из-за привычек отца. Да и мы ни с кем не общались, кроме священника и торговцев, которые нередко выбирали нашу Провинцию для ярмарок выходного дня, приезжая из Трущоб на своих машинах с прицепами. Однако со временем и торговцы перестали приезжать из-за кризиса, которого не прошёл стороной и наш квадрант.   В день встречи с человеком в белом, я так и не увиделся со священником, и, подозреваю, незнакомец тоже. Зато на пути к дому мне попался торговец из Трущоб.

- Эй, малой, овощи не нужны? Хорошие, сам выращивал.

- Нет денег, спасибо, - священник учил с незнакомцами не разговаривать. И я решил последовать этому совету.

- Как знаешь. А то я бы мог и одолжить немного денег и овощей дать, за маленькую услугу.

Хоть мне было и немного лет, но советы священника и пьяный образ отца помогли мне вырасти смыслёным и не поддаваться на соблазны. Хотя свежих овощей я уже неделю не ел.

- Нет, я спешу.

- А книги, книги любишь? – Не успокаивался торговец. – Зайди ко мне в прицеп, и я дам тебе пару книг. Комиксы, так их вроде называют. Или фантастика, про звёзды.

Про звёзды и науку астрономию не раз заходили наши разговоры со священником, и для меня это была действительно хорошая приманка. Я чуть было не остановился и не забрался в прицеп к этому незнакомцу. Тем более выглядел он совсем не злым, а скорее добрым. Высокий, плотный мужчина с лысой головой и в майке с Микки Маусом – героем мультфильмов прошлого века. Он, торговец, улыбался, и, не смотря на жару, которая выдалась той весной, был свеж и бодр. Он очень отличался от людей из Провинции, и чем-то даже смахивал не героев из фильмов про детей-волшебников. Такой добрый дядя Страж Леса.

- Звёзды я люблю, - не знаю зачем сказал я.

- Ну, так вот, полезай в прицеп и я тебе дам пару книг.

- Меня учили с незнакомыми чужаками не разговаривать.

- А кто тебе сказал, что я не знакомый? – Искренне удивился торговец. – Вот ты от священника идёшь, а я ему как брат. Мы вместе с ним на пару в стольких делах участвовали ещё до твоего рождения. Это он сейчас священником стал, а до этого мы вместе с ним столько навидались и столько прошли. Он, между прочим, на Рынке не последний человек, твой священник.

- Правда? Он мне ничего не рассказывал. Он говорил, что Рынок – плохое место для таких как я.

- Да потому что тебя обмануть могут, не с тем если свяжешься. А или того хуже – пропасть можешь. Об этом священник не рассказывал? О детях, которые по Рынку без родителей шатались и потом пропали.   Поэтому знать надо с кем дела водить. Вот я, к примеру, не первый раз у вас в Провинции, и обманывать не стану. Полезай в фургон, малой.

- А что я должен буду за книгу?

- Да пустяк. Я тут фильм снимаю, для себя так сказать, увлечение у меня такое. Фильм про Робина Гуда в детстве. И вот ищу пару разбойников, которые смогут мне помочь доснять мой фильм. Надо только будет встать в лесу, как я скажу, я отсниму тебя, и всё – книга твоя.
- А фильм дадите посмотреть? – всерьёз заинтересовался я.
- Отчего же не дам? Вот досниму и обязательно дам посмотреть.
- Я почти поверил этому большому человеку. И книга, и съёмки в настоящем кино! Для меня семилетнего этого было настоящее приключение, коих не так то и много было в провинции. Я уже хотел сказать, что как раз никуда не спешу, и могу уделить время этому необычному торговцу, как вдруг послышался звук вертолёта, который был большой редкостью в нашей части города.
- Эй, что там у вас происходит? – послышался знакомый голос.
- Да вот, сорванцу овощи предлагаю, - отозвался торговец.
- Всё в порядке Кей? – Это был человек в белом, которого я оставил в ожидании священника.
- Этот дядя мне хочет дать книгу и предлагает   сняться в настоящем кино!
- Кино? – Человек в белом усмехнулся, обратившись к моему новому знакомому. – Ты и правда снимаешь тут, а заодно и приторговываешь снедью и книгами?
- А что, разве это запрещено? Что то в Кодексе я ничего про это не слышал.
- Торговать не запрещено легальным товаром. Но складывается впечатление, что твой товар вне закона.
- Начальник, обижаешь. Я простой коммивояжёр, как и все остальные. И ничего противозаконного не делаю. – В голосе торговца послышались нотки переживания. – А ты я смотрю не местный? На таком то транспорте. Вертолёт должно быть немало денег стоит в наше время.
- Не твоё дело! – отрезал человек в белом. – Кей, священник ждёт тебя. Иди к нему, а я поговорю ещё с дядей торговцем, в следующий раз он книгу тебе даст.
- Хорошо,- сказал мало что понимающий тогда я. Это гораздо позже до меня дошло, чем могла обернуться моя встреча на дороге Провинции, не подоспев человек в белом. Этот необычный человек   с высоким лбом и загорелым лицом.

4. Глава 4. Талия

Её звали Талия, и в детстве мы с ней дружили. У неё были светлые волосы и приятная улыбка. Это я сейчас понимаю, что она была просто красавицей, а тогда в детстве, она была чуть ли не самым близким мне человеком. Даже ближе чем священник.

Жила Талия не далеко от нас с отцом, в таком же небольшом фургоне. Её мать, Мнema, была простой работницей Общего Дома, и, как и мой отец, любила выпивать. Наверное, это нас и сблизило. А может что то другое.

Талия была очень весёлой и жизнерадостной девочкой, и всегда любила поболтать, в отличие от нелюдимого меня. Она находила общий язык со всеми, и, тяжело представить её было без косичек и вечной улыбки на лице. Когда она исчезла, ей было также как и мне, семь лет.

Никто точно не знает, куда исчезают дети. Одни считали, что в Провинции завёлся психопат, который похищает детей для собственной утехы. Другие были уверены, что это заезжие Чёрные Торговцы обосновались в нашем районе. Однако, никаких фактов, следов или хотя бы намёка, куда пропадают дети, не было.

Органы власти, Ареопаг, не раз приезжали в нашу Провинцию для расследования, и как то под подозрение попал и мой отец. Я не спал, и всё слышал, когда представитель Ареопага зашёл к нам в дом. Это была холодная и тихая зима.

- Ваше имя Сол? - произнёс низкий мужской голос.

- Да, - ответил отец. - Что вам нужно от меня?

- Сущие пустяки. Мы хотим, что бы вы ответили на пару вопросов в нашем вертолёте. Пройдёте.

- Но у меня сын, совсем один. На дворе ночь, как я его оставлю?!

- С Вашим сыном ничего не случится. А если вы будете нам помогать, то мы присмотрим за ним. Компании нужны новые дети.

- Нет, я сам. Только пообещайте, что с ним ничего не случится.

В ту ночь отец так и не вернулся. Я ждал, сколько мог, пока сон не одолел меня. Утром, когда я проснулся, отец сидел на пороге нашего фургона с бутылкой «эликсира» его собственного изготовления. Он был уже пьян.

- Пойди сюда, сорванец. У меня была тяжёлая ночь, и мне надо с тобой поговорить. Что ты знаешь про Рынок?

- Только то, что ты мне рассказывал отец. Ты и священник. Что это опасное место, и туда лучше не попадать, если не имеешь знакомств.

 - Всё верно. Запомни это, и повторяй себе постоянно.

-Что хотел мужчина, который приходил ночью?

- Ты не спал? И, наверное, слышал. Ты уже большой, и должен всё понимать. Плохие дела творятся в Городе, и, кажется, они дошли и до Провинции. Пропадают дети. Дети, такие как ты, и твоя подружка.

- Талия, - напомнил я.- А ты здесь причём?

-Я работал долгое время на Компанию и делал плохие вещи. Вещи, о которых тебе лучше не знать. Тот мужчина, из Ареопага, хотел узнать о моём прошлом. Он думает, что я как то замешен в этих делах с детьми.

- Но почему он так думает, отец?

- Ты пойми, не всё так просто в нашем обществе. И я, ты, твой священник и подружка - все мы часть этого. А я - так особенно. Ты куда то шёл?

- Я шёл к Талии, хотел с ней пойти к священнику.

- Иди. Только не разговаривай не с кем.

И я ушёл, оставив отца наедине с его «эликсиром» на пороге дома. В то утро отец казался не просто пьяным, а уставшим от всего. Я решил дать ему отдохнуть.

Талия - вот человек, который поможет мне разобраться, что происходит. Она умная и училась у священника, как и я. Но если я любил мечтать, талия любила действовать.

- Что ещё тебе сказал отец? - спросила Талия, допивая утренний чай. Её мама была на

работе в Общем Доме, и Талия давно привыкла заботиться о себе сама. Хотя ей было всего семь.

- Ничего. Вот это и странно. Обычно он и того меньше говорит, однако если он начинал рассказывать, то доводил дело до конца. Особенно когда пьяный.

- Странно. Твой отец и эти истории о детях. При чём тут он?

- Вот и я не понимаю. Пропавших детей похитил какой-то маньяк, а мой отец, хоть и алкоголик, не смог бы поднять на кого то руку. Он трус и мало, что смыслит.

- Надо в этом разобраться. Может поехать к твоему отцу на работу? Дома вряд ли он будет держать тайны. Он знает, что ты любишь совать нос куда не надо.

- В трущобы? Не думаю что это хорошая мысль. Я из Провинции выбирался туда только с отцом, и только в магазин.

- Ладно, посмотрим что будет дальше. Побежали наперегонки до священника.

И мы побежали. Как мы бежали – это было что то! Было весело, свободно, и все проблемы забылись. Талия смеялась, и я смеялся. Нам было просто хорошо. Мы были детьми, и это помогало нам справляться со всеми проблемами. До тех пор, пока Талия не пропала.

Никто точно не знает, как и когда пропала Талия, но одним утром её просто не оказалось дома. Её мать, Мнема, разговаривала с человеком из Ареопага, а я просто зашёл за ней, думая пойти к священнику.

- Её нет. Её совсем нет. Её просто не стало – Мнема проглотила содержимое кружки и расплакалась.

Похорон Талии не было, потому что хоронить было нечего. Её просто не стало, как будто она приснилась мне. Лишь фотоснимки, где мы со священником изучаем новую книгу, остались воспоминанием о девочке, которая пропала. Это была самая печальная зима, которую мне довелось на тот момент пережить.

5. Глава 5. Разговор со священником

То была долгая зима. После исчезновения Талии я стал ещё больше остерегаться людей. У меня остался один друг – священник, которого я посетил лишь спустя неделю после исчезновения Талии.

- Здравствуй молодой человек, – так обратился ко мне священник в тот день. – Ты наверно пришёл учиться. Думаю, к моему сожалению, сегодня не получится.

Он пристально посмотрел на меня и отвернулся. Священник был не таким уж и старым, наверно возрастом как мой отец. Я никогда не спрашивал, сколько лет ему, но для меня он был не просто учителем, а другом. Он имел седые волосы, хотя морщин на лице было не так много, был высокий и всегда ходил в тёмном костюме. Лишь на службе он одевал рясу и читал молитвы для прихожан, в которых говорилось о любви, вере и Боге.

- Но почему? – удивился я. – Мне надо знать. Вы священник и Вы всё знаете. Что стало с Талией?

- Талия... Её нет, малыш, – грустно отозвался священник. – Она в лучшем месте.

- Вы говорите о Рае? Я помню, вы рассказывали про него. Что это место, куда люди попадают после смерти. Но я не верю что Талия там. Это не для неё место, она должна быть тут, со мной.

- Почему ты так думаешь, что рай не для неё? Рай – это то место, которое подходит каждому. Человек, умирая, сам решает какой Рай для себя выбрать.

- А как же Бог? Вы говорили, что он главный на небе.

- Бог – главный и на небе, и на земле. Но люди стали забывать о Боге. Теперь всем в мире правит, к сожалению, не вера. И, подозреваю, в Рае тоже не он теперь главный. Поэтому я и говорю – каждый сам за себя, каждый сам выбирает свой Рай или Ад.

- Нельзя так говорить! Вы нас учили, что это не правильно. Бог главный во всём мире. Он дал людям всё, и даже науку! Как вы так можете!

Мне было обидно до слёз. Человек, который учил нас с Талией вере, сам ни во что не верит.

-Понимаешь малыш, всё в этом мире сложно. Я верю в Бога, и верю в спасение, которое настанет. Но, так же, я много повидал в своё время, и могу сказать с уверенностью, что в мире осталось очень мало святого и хорошего.

- Вы не рассказывали о своём прошлом.

- Я служил в армии, но не той армии, которая защищает, а в армии плохой и не нужной. Я многое что сделал плохого в своей жизни, пока не нашёл веру и не приехал к Вам, в Провинцию, подальше от Города и Компании.

- Город – это плохо?

- Город – это Компания, – сказал священник с застывшим взглядом. – А Компания – это люди, которые не перед чем не остановятся для своей выгоды. Никогда не попадай в Компанию, как это сделал я или твой отец.

- Вы знаете, что мой отец работает на Компанию? – удивился я. До этого разговор со священником о моём отце заходил лишь только мельком.

- Я знаю Сола гораздо лучше, чем он тебе рассказывал. Впрочем, если он захочет, он сам тебе всё расскажет.

- Расскажите Вы, отец всегда пьян, и почти не разговаривает со мной. А после исчезновения Талии он и вовсе стал молчаливым и скрытым. Мне кажется, те люди из Ареопага что то с ним сделали?

- К нему приходили из Ареопага? – Резко оборвал меня священник. – О чём они говорили?

- Не знаю, отец сел к ним в вертолёт и был только утром.

- Малыш, послушай, если вдруг ещё увидишь людей из Ареопага или отец начнёт себя странно вести, сразу говори мне, договорились?

- Но что происходит? Почему они считают, что мой отец виноват, что Талия исчезла? Ведь это не он.

- Нет, не он. Твой отец много совершал в жизни ошибок, наверное, это и изменило его. Но

Талия – она была близка тебе, а ты близок ему.

- Не правда, он меня ненавидит! Он считает, что это я виноват, что матери нет.

- Это он тебе так сказал?

- Нет, но когда я спрашиваю о матери, отец говорит просто, что её у меня нет, и что бы я больше не лез к нему с вопросами. Но ведь так не может быть – как рождаются дети, без матерей.

- Не может. – согласился священник. – Но ты особенный мальчик. И Талия – девочка не простая.

- Что Вы имеете в виду?

- Прости. Я кажется, заставил тебя задуматься. Ты должен знать одно – твой отец тебя любит, и Талии он бы ничего плохого не сделал.

- Но что тогда стало с Талией

- Бог позаботиться о ней.

Дальше моя беседа со священником как то не складывалась, и я решил, что лучше пойти домой и почитать очередную книжку, которую он мне дал.

Всё реже и реже стали мои визиты к священнику. Казалось, после исчезновения Талии во мне что то сломалось. И никто, даже священник, не может меня починить. Поэтому я стал стараться сам разобраться, что же случилось с девочкой, которая была моей подругой. Всю зиму я строил догадки и составлял планы по поиску Талии, но дальше моих мыслей, это никуда не заходило. Пока я не встретил весной человека в белом.

6. Глава 6. Зеф

Моя новая встреча с человеком в белом была столь же неожиданной, как и первая. На этот раз я встретил его не у дома священника, или на дороге, как в тот день с торговцем, а у собственного дома. Это меня настолько поразило, что я не мог ничего сказать, глядя на его безупречно белую робу.

Это было уже летом, когда дела у отца пошли настолько плохо, что он потерял свою работу в Компании - единственное место, которое связывало нас с Городом и давало хоть какие то деньги. Он стал ещё больше пить свой «эликсир», и трезвым я его перестал и вовсе видеть, что меня огорчало и тревожило, хотя я был всего то мечтающим ребёнком. А ещё он стал посещать Общий Дом - место, где работала Мнema, мать моей Талии, девочки, которая исчезла.

Общий дом - жуткое место, которое добропорядочные люди старались обходить стороной. Люди, которым терять было нечего, как моему отцу или Мнеме, были постояльцами этого места, куда люди приходили выпить, поиграть в азартные игры или удовлетворить своё грешное тело. Мнema работала в этом здании простой посудомойкой, по крайней мере она так говорила Талии и мне, но я знал, что просто мытьём посуды дело не ограничивалось. Однако, факт остаётся фактом, у неё там было много знакомых, и она могла легко устроить досуг для любого, кто к ней обратится. А обратился к ней мой отец. Он, как рассказывал мне после заплетающимся языком, приходил к в поисках заработка, однако видеть его трезвым после его походов мне не удавалось. Как и в тот вечер, когда у дома появился человек в белом.

- Кей, - обратился он ко мне. - Рад видеть тебя!

- Вы меня помните? Но я даже имени не говорил Вам.

- А разве имя настолько важно? Имя - набор букв, которое может быть одинаковым у миллиона людей. Я вот знаю, что ты Кей, отец твой - Сол, то есть ты Кей, сын Сола. Знаешь сколько таких мальчиков в мире? Очень и очень много! Поэтому можно сказать, что я просто угадал, что тебя зовут Кей.

- А вас как зовут? - поинтересовался я.

- У меня много имён на самом деле, и меняются они в зависимости от моего настроения.

Зови меня Зеф, или Зефир, если хочешь. Однако полным именем меня уже давно никто не называл. Просто Зеф.

- Зеф - странное имя.

- А Кей? Тоже имя не из самых простых. А своё полное имя ты знаешь - Кей, это же тоже сокращение, как у меня Зеф.

- Отец зовёт меня просто Кей, он даже научил меня писать моё имя. - Я взял палочку и написал на песке у дома своё имя - «К».

- Эй, что Вы там делаете? - Это был отец. По неровной походке, я понял, что он был пьян. А если время вечернее, то явно из Общего Дома. Однако, подойдя к нам с человеком в белом, его взгляд вовсе не был похожим на пьяный. Скорее на заинтересованный.

- А, это ты, - сказал отец моему новому знакомому. - Заходи, раз пришёл. Сын, Кей, побудь пока во дворе, мне надо поговорить с этим дядей в белом балахоне.

- Это роба, - поправил его человек в белом, Зеф. - И ты знаешь, зачем я пришёл, так что разговор будет не долгим.

- Да, я достал деньги, зайди в дом, а то много посторонних развелось у нас тут.

- Я заметил. Весной у дома священника один был, к твоему сыну приставал.

- Кей?! Почему ты мне не рассказывал, сын? - сказал отец уже мне, с некой тревогой в голосе.

- Не знаю, отец. Всё как то не было повода. Зеф видел его, простой торговец.

- Может и так, - согласился отец. - А может, и нет. Зайди в дом, Зеф, нам надо всё выяснить. А ты, малой, ни на шаг с порога.

И они вошли в дом - мой отец Сол с шлейфом перегара и Зеф, таинственный незнакомец, человек в белой одежде.

7. Глава 7. Отцовский эликсир.

Долго стоять на пороге мне не пришлось, уже вечерело, а вечер, хоть и летний, самое холодное время суток. Всему виной изменение климата, которое приобрело глобальное значение после того как Компании, наподобие той где до недавнего времени проработал мой отец, начали экономическую войну. В попытках как можно больше заработать на простых людях, Компании не останавливались не перед чем. В ход шли всевозможные способы обогатиться, самым простым среди которых было дешёвое сырьё для производства. И чем дешевле было сырьё, тем больше вредных отходов было сброшено в города и пригороды. От отходов некуда было деться и в итоге утилизировать их просто перестали. Так, в помоях Компаний, исчезло много селений, а те которые остались, столкнулись с экологическим кризисом воочию.

Погода поменялась очень быстро, и если недавно был тёплый, летний вечер, то с сумерками пришли и морозные ветра. Температура на улице от плюсовой стала снижаться чуть ли не до нуля, и моё худощавое телосложение в, на размер больше, одежках, не могли никак меня согреть. Мне пришлось войти в дом, что бы не околеть и не стать одной из жертв стихии, которых, кстати, во времена моего детства было не мало. Люди погибали на улицах просто потому что не было дома, даже такого ветхого как наш фургончик, и ничто не могло их спасти от беспощадной погоды нашего квадранта.

Наш с отцом дом был скромным и состоял всего из одной комнаты, кухни, которая служила мне и детской, и небольшой уборной. Мебели было мало, и вся она досталась от деда, так рассказывал отец. Старые, прожжённые простыни, которые были жёлтыми от времени, служили не только постельным бельём, но и занавесками. Так же они огораживали кухню от комнаты, где находился мой отец и Зеф, поэтому как я вошёл в дом, они не слышали. Я застал лишь конец разговора, и не мог долгое время понять о чём идёт речь, но то, что я тогда услышал, изменило мою жизнь кардинально.

 - Они отказывают, ты понимаешь! Совсем скоро я и вовсе не смогу встать с кровати, не говоря уже о деле. – Это был голос отца. Он казался не просто взволнованным, а испуганным. Редко я слышал эти нотки в его пропитом голосе.

- Я надеюсь к тому времени, как ты будешь уже готов к исходу, всё изменится в жизни парня, и он продолжит начатое нами, - ответил ему Зеф. – Осталось не так уж и долго до полного созревания.

- Не уверен, что он сможет нам помочь. Он отличается от нас, и даже Священник это говорит.

- Ну, то, что говорит святой отец, тебя должно волновать меньше всего. Ведь ты и сам знаешь, что он не из нашего круга. Он был рождён по старинке.

- Да, брат, но он прошёл с нами через всё, и стал для мальчугана ближе меня даже. Хотя я стараюсь, как могу.

- Ты правильно делаешь, Сол, что заботаешься о нём, но твоё время не вечно, и он должен это понимать. Ты пьёшь, то что я тебе говорил?

- Пью, но порошок, который смешиваю с обезболивающей бормотухой, тот, что ты мне дал, мутит мой разум. Я просто пьянею от него, твоего эликсира.

- Не называй его так. Это наводит на посторонних мысли. Зови самогон, спирт, как хочешь, но только не так.

- Ну, если он реально эликсир. Только благодаря ему я столько прожил после чёртовой операции. Только благодаря ему они не отказали ещё раньше.

- Ты очень громко разговариваешь. Никто не должен знать о твоём участии в этих делах. Тем более я подозреваю мы не одни.

Штора из простыни, огораживающая комнату от кухни, открылась и показалось красное лицо отца.

- Кей, сынок, - обратился он ко мне. – Ты слышал о чём мы разговаривали?

- Нет, отец, - сказал я, пытаюсь казаться менее испуганным.

- Вот и хорошо. Рано тебе знать, в чём твой отец и Зеф участвовали до того как переехали

в эту дыру.

- Я думаю, парню пора спать, а мне уходить – прервал отцовскую речь Зеф. – Сол, помни о чём мы говорили.

- Да помню. Эта осень будет сложной для нас.

- Это надо сделать, Сол. Так будет лучше всего. Я уйду, но надеюсь на встречу, Кей. Береги отца. – сказал Зеф, и покинул наш дом, оставив меня с отцом, который лишь казался пьяным.

8. Глава 8. Сол

Моего отца звали Сол, и он был неплохим человеком. По крайней мере, сказать, что он был монстром или тираном по отношению ко мне, я не мог. Что касается отношения к другим людям – тут сложно всё объяснить и дать характеристику его поступкам и взглядам. Его не простая судьба сделала его таким, каким я его помню из своего детства, а воспоминания очень важны, ведь именно на них строится всё новое в этом мире.

Мой отец прошёл через многое, но рассказывал мне далеко не обо всех событиях из своей жизни. Возможно, потому что когда его не стало рядом, я был ещё ребёнком, и многое не понимал. А возможно он хотел меня защитить, как человек, который отдал всё для своего ребёнка. Но один из его рассказов я помню, ведь он и привёл моего отца к тому, что изменило очень многое не только в его жизни, но и в моей.

В один летний вечер, когда отец был вменяем, и действие «эликсира» не помутило его разум, он позвал меня к себе. Я как сейчас вижу его образ – высокий, ещё не старый мужчина, с красным от пьянки лицом и многодневной щетиной. Смотря на фотографии отца в молодости, где он был подтянутым и крепким, в меру накаченным и довольно таки симпатичным, тяжело было поверить, что эта серая тень, которую он представлял в годы моего детства – один и тот же человек.

- Я помню, как развивался Город, - сказал отец в тот день, глядя в одну точку. Я решил промолчать, и послушать, ведь не так часто он начинал разговор сам, да ещё и так неожиданно. - Сначала это было небольшое селение, которое основали люди после экономических войн и основания Компаний, наподобие нашей – гигантов рынка. Город был хорошим местом, но Компания, которая пришла к нам в город, стала поглощать всё, что было в нём хорошее, давая людям лишь мусор и нищету. Трущобы, куда мы с тобой ездим за продуктами, был центром. А то, что представляет собой Центр сейчас – это место основания Компании, её владения. Компания забрали жизнь из города и из людей, и я, как не убежал, попал под эту волну.

Я работал на Компанию, но это было очень давно. Мне надо было что-то есть, поэтому я соглашался на всё, главное добыть себе работу и деньги. Без них не прожить было ни в одном обществе. А я хотел жить. Хотел быть кем то, хотел чтобы имя моё знали. Я был молод, что тут сказать. Я был глуп.

Отец прервался, чтобы потянуться за бутылкой, но я его остановил.

- Расскажи, что было дальше, отец.

Он посмотрел внимательно на меня. В его глазах давно я не видел света, но тут они прояснились. Видимо он понял, что пришло время и меня посвятить в свою жизнь, что я не чужой ему.

- Знаешь, в Компанию простых людей не берут, там нужны связи. А другие небольшие фирмы – стали частью Компании и как бы я не искал работу, никто не хотел меня брать, ведь мне надо было платить, а у людей не было денег. Но всё же мне повезло, как сначала я думал, меня взяли в службу безопасности Компании, в её армию. Но работа эта приносила лишь страдания и боль. Я для компании уничтожал все фирмы, которые не хотели стать частью одного механизма. Я жестоко людей наказывал за неподчинение, и даже Ареопег не мог остановить ту машину, которую из нас, простых парней, сделала Компания. Я видел, как люди просили не уничтожать их предприятия, просили оставить им работу, что у них семья, дети. Но Компания платила нам, и мы всё, неуютное ей, сминали. Мы были не просто армией Компании, мы были её палачами.

- Ты людей убивал?

- То, что я делал, было гораздо хуже. Я забирал у людей всё, что им дорого, лишь бы они соглашались на сделку. Однажды мне пришлось ребёнка забрать у женщины, потому что она не хотела уступить свои земли для очередного магазина Компании.

- Что стало с тем ребёнком?

- Я отдал его Компании. Просто отдал. Что было дальше я не могу тебе сказать, но знаю, что вскоре та женщина пропала, и на месте её пекарни, вырос новый магазин Компании. Я

вижу во сне её лицо, лицо ребёнка. Но где они, и что с ними стало – я не знаю, мне это было не положено.

- Так может и мою Талию забрала Компания? – Спросил я в надежде отыскать свою подругу детства, которая пропала полгода назад.

- Я не знаю, сын. Талия, как и ты, очень особая девочка, и если она у Компании, то значит они нашли её.

- Что значит нашли? Они что, знали о ней?!

- Они знают гораздо больше, чем ты думаешь. Они знают всё! Но я смог их обмануть, и покинуть ряды армии. Но для этого мне надо было лишиться самого себя... Я стал ненужным в армии, а после не нужным и на добычах руды. Компания забрала всё, и теперь, твой Сол, такой как сейчас.

Я хотел спросить отца про его разговор с человеком в белом, Зефом, который я застал пару дней назад, но увидел, что отец и так рассказал мне очень многое, чего раньше не было, он устал и нуждался в глотке своего «эликсира». Возможно, подумал я, если наберусь терпения, я узнаю всё о жизни этого человека – ведь каждому нужно выговориться, и он не исключение, мой отец Сол. Но вскоре его не стало, и все вопросы, которые я хотел ему задать, остались без ответа.

9. Глава 9. Общий дом

Мир после экономических войн был разделён на квадранты – крупные объединения нескольких государств заключивших союз как экономический, так и военный. Страны имели каждое своё правительство, но для общего взаимодействия был создан Ареопаг. В каждом квадранте был свой Ареопаг, который объединил в себе и законодательную и судебную власть. Исполнительная же власть принадлежала Компаниям, которые имели больше возможностей для осуществления целей Ареопага.

Поначалу подобная система носила вполне приемлемый для простых людей характер, однако со временем Компании перестали лишь исполнять распоряжения Ареопага, а стали сами решать всё в своих квадрантах. Все это понимали, но никто не мог с этим ничего поделать, ведь те, у кого есть деньги и диктуют правила.

Компания моего квадранта и города, в котором я жил, была одной из самых могущественных, ведь именно наш квадрант был богат на залежи руды, в которой так нуждалось производство. Простые люди наподобие моего отца делали всё, что бы прокормить свою семью, а Компания за это не давала умереть с голода. Однако условия, в которых находились люди, назвать человеческими нельзя было. И для того чтобы отвлечься от трудностей современного бытия, были узаконены Общие Дома – места где простые люди могли отвлечься от трудностей и насладится всеми пороками, что только можно было придумать.

То, что происходило в Общих Домах, никто не контролировал, однако преступлений и насилия в мире стало меньше, ведь теперь легально можно было всё, но лишь в пределах Общего Дома, куда и попал мой отец после исчезновения Талии и потери работы.

В Общем Доме нашей провинции работала Мнема, мать моей Талии, и она во многом старалась поддерживать моего отца в то нелёгкое время. Это была высокая, некогда красивая женщина, которая от непосильной работы стала лишь подобием человека. Круги под глазами, морщины, сутулая спина и руки в мозолях – вот чем наградила её работа в Общем Доме. А после исчезновения дочери, она и вовсе стала уменьшаться на глазах. Казалось, Общий Дом вытягивал из неё все жизненные силы, и ничто не могло ей принести радости в жизни. Но, не смотря на всё это, людям надо общаться, и её отдушиной стал мой отец, как и она для него.

Я знал, что Мнема с моим отцом имеет роман, и был только рад за них – двух близких людей, которые прошли через все трудности, которые им уготовлено было судьбой, но мне не нравилось, что отец стал всё чаще и чаще заходить в Общий Дом, где похоть и азарт были ключевыми помощниками уйти от проблем. Но поделать с этим я ничего не мог, мне было всего семь, и многое для меня было непонятным и труднодостижимым. Я знал, что Общий Дом – это плохо, и что когда вырасту, я никогда туда не зайду. Но попасть в общий дом мне пришлось раньше, чем я мог подумать.

Спустя неделю после моего откровенного разговора с отцом, он решил меня взять с собой в это злое место. Не знаю, что им руководило, но для меня, тогда ещё ребёнка, это было испытание на стойкость. Пьяный угар казалось в этом месте поселился, и, побыв хоть несколько минут в этом помещении, казалось можно было опьянеть. Грязные столы, на которых люди распивали спиртное, играя в азартные игры, казались многовековыми, а сцена на которой дамы в нижнем белье исполняли танцы, была просто небольшим возвышением, к которому легко можно было подойти и утащить понравившуюся дичь в отдельную комнату, предусмотренных на верхнем этаже. Многие постояльцы так и делали, и женщины были не против – им тоже надо было кормить себя и свою семью, а торговля телом, как известно одна из древнейших профессий. За пустой барной стойкой, так же грязной и липкой, находилась Мнема

- Сол! Рада тебе, - сказала она моему отцу. - Ты мальчишку зачем привёл, для него это не самое лучшее место.

- Пусть знает, где его отец пропадает, да и оставить его не с кем. Священник уехал, а в городе много торговцев. Не стоит ему с ними встречаться.

- Ну что ж, твой сын – тебе решать. Здравствуй Кей, чем то угостить тебя? – голос Мнемы был как у робота, без эмоций и заинтересованности.

-Нет, спасибо.

- Ну как хочешь, а то у меня тут где-то была минеральная вода со вкусом лимона.

- Мнема, - прервал её мой отец. – Ты уже на баре работаешь? А посуду за тебя кто моет?

- После того как был очередной дебош, в Ташу, которая работала на стойке, выстрелили, и меня повысили. Теперь я разливаю спиртное и веду разговоры с постояльцами. Это лучше, чем быть постоянно в каптёрке, где только раковина и посуда.

- Но и опасней. Я переживаю за тебя, - отец был встревожен, о чём говорили нотки в его голосе.

- Здесь не опасней чем везде. Ты сам это знаешь. Налить тебе что то?

Дальнейший разговор был попросту ни о чём. Отец пытался отвлечься, и Мнема, по-видимому, тоже. Самое главное - им было хорошо вдвоём, и я был счастлив за отца, и не против его общения с матерью Талии. Но я и не мог предположить, что тот день лишит меня его, а Мнему сделает мне настоящей матерью, которой у меня не было.

10. Глава 10. Один выстрел

События развиваются иногда так быстро, что просто не понимаешь, что происходит. Вроде в одну секунду ты был одним человеком, и в мыслях и душе у тебя было одно, но то или иное событие может изменить тебя в одночасье. События вечера, когда мы с отцом посетили Общий Дом, так же изменили меня и всю мою жизнь в один миг. Называйте это судьбой или как то иначе, но факт остаётся фактом – одно событие изменило всё моё существование, все мои мысли, всего меня. Точнее даже не событие, а один единственный выстрел.

Мнема ушла в подсобку, чтобы достать чистый стакан для отца. Он ей был дорог, и поэтому для него она старалась, как ни для кого из клиентов. Я думаю, она любила его, но потеряв дочь боялась привязываться к кому то, поэтому их отношения не были столь близкими, как могли бы стать. Они просто общались, по крайней мере, так говорили. Что было на самом деле, я не знал, и не узнаю.

Отец сидел на высоком стуле, я стоял рядом. Вдруг за своей спиной я почувствовал чьё то присутствие. Знаете, как это бывает, когда на тебя в упор смотрят, и ты спиной чувствуешь, как буквально боишься развернуться, ведь сзади тебя чудовище. Так же случилось и со мной. А затем раздался голос.

- Эй, мальчишка, не рано ли тебе быть в этом месте? Хотя если есть деньги, то в самый раз. Но деньгами надо делиться.

- Что ты сказал? – Это был отец. Он развернулся и упёрся взглядом в огромный живот какого-то бородатого незнакомца. И хоть отец мой был немаленький, человек, который к нам обратился, был больше него в несколько раз.

- Я спросил, деньги есть? Сюда без денег проход закрыт.

- И кто это решает?

- Допустим я!

- Первый раз тебя вижу, - сказал отец и развернулся. – Кей, не отвечай этому человеку. Он тут никто.

- Что ты сказал? – рассвирепел великан.

Дальнейшие события остались в моей памяти на всю жизнь. Огромный незнакомец, который явно хотел навариться на мне, взял бутылку с ближайшего стола и хотел ударить ею моего отца, но отец резко развернулся, сделав выпад вперёд и ударив великана в живот. Тот согнулся пополам и отец с колена ударил его по широкому бородатому лицу, попав прямо в переносицу. Затем на плечо отца легла рука другого мужчины, которую отец с лёгкостью заломил, развернувшись на триста шестьдесят градусов. Ногой оттолкнув второго в музыкальный аппарат, отец взял со столки лежащую там вилку для закусок, и воткнул её в успевшего прийти в себя бородача, попав в огромный живот.

Третий подошедший мужчина был меньше моего отца, поэтому его он просто перебросил через стойку. Двигался мой отец быстро и легко, казалось, он был рождён для подобных разборок, и для него не в новинку было раскидывать соперников как пушинки. Никогда я не видел отца таким быстрым, сосредоточенным и сильным. Затем раздался выстрел.

Никто не мог сказать, кто это стрелял, ведь явно не соперники отца, проигравшие ему в неравной битве. Но выстрел был один и точен, попав отцу в живот. В одну минуту стоявший в атакующей позе отец поник, упал на колени и взялся за бок. На не свежей рубашке отца показалось красное пятно. Подбежала Мнема, противники отца замерли, а отец стоял на коленях, держа простреленный живот.

- Сол,- Мнема была в ужасе. – Сол! Что с тобой, Сол, не молчи.

Но отец молчал, побледнел и градом пот катился по его лбу. Затем он потерял сознание, и больше в себя не приходил.

Подросли девушки со сцены с тряпками, которыми пытались прикрыть рану, подросел амбал, который следил за порядком, а за одно выполнял роль ведущего особых мероприятий для посетителей, но было поздно. Отец без движений лежал на грязном полу Общего Дома, а я не мог даже подойти к нему, прижавшись к барной стойке.

Что было дальше, я толком не помню, возможно, из-за шока, возможно из-за того, что мне было больно это вспоминать, но моментами кое-что всё же всплывает у меня в голове вспышками. Я помню, как приехали Стражи из Ареопага, которые выполняли роль блюстителей порядка, как приехали врачи, как приземлился, не знаю зачем, вертолет Компании с людьми в дорогих костюмах, как они задавали вопросы, и как Мнema держала всё время меня за руку.

Затем отца увезли, и больше я его не видел. Мнema, которая решила меня, ненужного никому, даже тётке по отцу, взять к себе, говорила, что отца увезли в Город, и что там ему помогут, и он скоро вернётся. Но прошла неделя, прошёл месяц, лето подходило к концу, а отец так и не вернулся.

Я стал жить в доме Мнемы, всё больше и больше замыкаясь в себе. Даже к священнику я перестал ходить, и ни с кем, даже с Мнемой я не разговаривал. Отец, хоть он и пил, был оставшимся на том момент самым близким мне человеком, и теперь его не было. Для меня это было самым настоящим испытанием. Сначала Талия, потом отец. Все близкие и родные покинули, и я был совсем один. И это всего один выстрел. Один точный выстрел.

11. Глава 11. Приступ

Прошёл месяц, как отца увезли в Город врачи, но никакой весточки о его состоянии ни я, ни Мнema не получили. Я уже потерял всякую надежду, что вновь увижу его, и, так как я был совсем ещё ребёнком, а у детей душевные раны заживают быстро, я начал выходить из дома и посещать священника.

Этот месяц был очень тяжёлым, ведь кроме Мнемы, приютившей меня, я ни с кем не виделся, да и сама Мнema была всегда на работе в Общем Доме, который после инцидента с отцом, продолжал работать, как ни в чём не бывало. Мы были простыми людьми, а властям до простых людей нет дела, поэтому никто не стал расследовать, что же произошло в тот вечер, и кто стрелял в моего отца.

Своё утешение в этот нелёгкий месяц я нашёл в книгах, которые мне домой приносил священник. Бывало, я с утра и до позднего вечера засиживался за очередной книгой по астрономии, забыв про еду. И хоть мой юный организм нуждался в витаминах и постоянном движении для развития, мой разум был насыщен информацией, и я отчасти чувствовал себя неплохо. До первого приступа.

Я мечтал о космосе, мечтал о тех планетах, которые открыли учёные в прошлом веке. Я видел себя шагающим по прериям планет под звездой Аструм, как я, простой мальчишка, стал героем межгалактических сражений, и раз и навсегда победил в экономических войнах, которые коснулись самых далёких уголков космоса, и продолжаются там, судя по новостям, по сей день. Я был мечтателем, и в мечтах я уходил всё дальше и дальше от проблем в реальном мире, забывая про сон, еду и всевозможные радости. Ещё одно спасение я нашёл в работе.

Священник, к которому я стал вновь заходить всё чаще и чаще спустя месяц отшельничества за книгами, не оставлял меня без внимания, и чтобы отвлечь меня от нехороших мыслей, нашёл мне работу. Я работал на его земле – сеял урожай на будущий год под палящим солнцем нашего квадранта. В нелёгкой для ребёнка работе, я нашёл отдушину, которая помогала мне уйти от проблем. Работа и книги помогли мне стать сильным разумом и телом. Наверно, так происходит у каждого, когда в попытках забыть всё плохое, человек отдаёт все свои силы работе, чтобы прийти обессиленным вечером, завалиться в кровать и уснуть без сновидений, или взяв очередную книгу, уйти в мечтания о небывалых землях новых планет.

Я работал не покладая рук. Моя майка была насквозь пропитана потом, но мне было легко и хорошо. Жаркое солнце выжгло на моём теле всю кожу до черноты, но я этого не замечал, ведь главное было посеять хорошо и качественно, священник показал, как это делать. Он был и моим учителем, и психологом, и человеком, который научил меня достигать целей.

- Кей, запомни, - говорил мне священник. - Труд делает нас лучше, делает нас качественней. Без труда человек теряет свою суть, свою человечность, и начинает себя искать в грехах. Уж лучше быть простым тружеником, копаясь в грядках, чем быть плохим человеком. Твой труд запомнится, а грехи - нет.

И я трудился, как только мог. Моё детское тело стало крепким и подтянутым, волосы выгорели на солнце, руки покрылись мозолями, но я был по-своему счастлив. Я забывал во время работы про исчезновения Талии, про выстрел в отца, про нелёгкую судьбу Мнемы и священника, я был свободным от проблем, которые коснулись меня так рано. В свои восемь лет, я был не по возрасту силён, как телом, так и разумом, спасибо за это священнику – моему первому учителю жизни.

Но детский организм, остаётся детским организмом, поэтому в один из жарких не по осеннему сезону дней, когда я как обычно трудился на земле священника, случился первый приступ. Я не помню, как это произошло, в одно мгновение я стоял и рыхлил землю, в другой момент уже лежу на земле, смотря на безоблачное небо. Подоспевший священник поднял меня на руки и отнёс в свой фургончик при церкви. В доме он дал мне холодной воды, которая вызвала лишь рвоту. Пот струился по мне водопадом, а всего меня

кидало то в дрожь, то в судороги. А дальше я потерял сознание, очнувшись лишь в белой комнате без окон.

12. Глава 12. В сознании.

Открыв глаза, первым кого я увидел, был Зеф, друг отца и таинственный незнакомец в белом. Его фигура была мутная, но я понял сразу, что это он. От Зефа исходила какая-то непонятная мне и по сей день энергия и сила, которая позволяла узнать его из тысячи людей.

- Кей, здравствуй, - голос Зефа был тихим и умиротворяющим. - Мы уже потеряли всякую надежду, что вновь увидим тебя.

Я пытался что-то ответить, поблагодарить за заботу, но не смог произнести ни слова. Это было страшно. Мысли в голове были, а губы и язык просто не слушались меня. Моё горло было сухим, как Необитаемые районы, оставшиеся после глобальных изменений климата. Видимо глазами я показал, что испуган, и по ощущению понял, что плачу. Зеф сразу это заметил, хотя стоял на значительном расстоянии от меня.

- Ну что ты, что ты. - Поспешил успокоить меня человек в белом, и вытереть появившиеся слёзы. - Я понимаю тебе сложно, но тебе надо отдыхать, а не переживать. Не пытайся говорить, скоро речь сама к тебе вернётся. Ты должен знать, что после твоего приступа священник нашёл тебя слишком поздно, и врачи подъехали не сразу, чёртова бюрократия. Тебя отвезли в больницу в Город, я лично настоял на этом, взяв все расходы за твоё лечение. Твой отец был очень дорог мне, и теперь я - твой ангел хранитель. Не переживай ни о чём, я позабочусь о тебе как о собственном сыне, которого у меня никогда не было, Кей.

- Сколько времени я здесь? - хотел спросить я, но не смог. Но видимо Зеф уловил мою мысль, и сам сказал.

- Три года Кей, тебя с нами не было три года. Три долгих года. Ты должен это знать, ведь теперь ты совсем взрослый и всё поймёшь. Священник и я верили, но почти потеряли надежду, пока врачи не сообщили, что есть надежда в прошлом году. Но ты всё не приходил в себя и мы почти отчаялись.

Зеф замолчал, пытаясь подавить свои эмоции. Видимо он понял, что информации и так много для моего ослабленного осознания происходящего. И действительно - я был шокирован. Три года я пролежал в больнице и ничего об этом не помню. Зеф поборол в себе эмоции, и продолжил.

- Прошло много времени, Кей, и организм может тебя подводить на первых порах. Поэтому не пытайся говорить. Ты был в состоянии, которое люди называют кома. Мы поддерживали тебя, как могли, но тебе ещё долго придётся восстанавливаться. Это пока всё, что тебе надо знать. Сейчас ночь, утром священник приедет.

- Мнema? Она придёт. Моя Мнema! - хотел спросить я о человеке, который мне был за родную мать, и заботился обо мне до приступа и до того как я пришёл в себя три года спустя. Я полюбил её всем сердцем, и только она была способна мне помочь. Ни священник, ни Зеф не были мне так дороги, как женщина из Общего дома, мать моей Талии. Моя мать. Но Зеф про Мнemu в ту ночь не сказал ни слова.

- Отдыхай Кей, спокойной ночи.

Зеф ушёл, но я не мог отдыхать. Я пытался понять, что же случилось со мной. Обычный солнечный удар не может привести к коме. Или может? И где Мнema, ведь это её я должен был увидеть, а не Зефа, которого знаю не так долго. Где священник и откуда у Зефа в нелёгкую эпоху деньги, чтобы содержать меня три года, ведь лечение в Городе очень дорогое? Мыслей было много, но думать было просто больно. Моя голова казалась тяжёлой и не податливой, а каждая новая мысль отзывалась в висках пульсацией.

Я не ощущал своего тела, хотя пытался, как мог пошевелить хоть пальцем. Пытался моргнуть, и с трудом прикрыл и открыл веки. Страх, что я останусь прикованным к кровати не отпускал меня до тех пор, пока не вошёл врач, который сделал мне укол. Я провалился в беспамятство, не видя никаких снов.

Открыв глаза, я увидел возле кровати не Зефа, и не дорогую Мнemu, а священника, как всегда в чёрных одеяниях.

 -Кей, рад видеть тебя. Ты поспал? Не переживай, всё будет хорошо. Ты молод, а современная медицина способна на многое, поэтому ты скоро придёшь в себя и будешь как новенький. Но про работу на огороде придётся забыть.

- Какой день? – опять попытался я задать простой вопрос, но мой речевой аппарат просто отказывался мне служить. Но священник, как и Зеф, понял меня без слов.

- Сейчас за окном осень. Очень красивая осень. В этом году она обещает быть долгой и тёплой. Ты обязательно увидишь золотые листья и почувствуешь на коже лучи солнца. Не обжигающие, а мягкие, как шёлк. Ты вновь увидишь нашу Провинцию, и вновь будешь бегать по лесам и полям. Но ты должен понять, что для этого тебе надо найти в себе силы, ведь не смотря на все заботы врачей, тебя с нами не было так долго. Ты много пропустил, но теперь всё наверстаешь. Главное – верить, сынок, всё в руках Господа. А вера у тебя сильна, я знаю это, ведь ты Кей, сын своего отца. Теперь – отдыхай, тебе предстоит не лёгкий путь к выздоровлению

О, как священник был прав! Что бы вновь стать кем я был, мне надо было пройти через многое, слишком многое. Но как бы я не старался, как бы не хотел вернуть всё как было, от старого Кея не осталось и следа. Три года в коме и полтора года восстановлений и мучительных процедур изменили меня. Но я стал сильнее.

13. Глава 13. Чудо

Мозг – удивительный механизм. Благодаря ему мы из Homo erectus (человек прямоходящий), стали разумными существами, которые овладели не только простыми механизмами, как колесо или лопата, но и медициной, астрономией, военной наукой и многими другими. Благодаря нашим интеллектуальным возможностям, мы полетели в космос и открыли новые земли, мы написали чудесные литературные произведения, стали вершиной цивилизации. Благодаря мозгу сформировалось общество, которому, однако, в моё время, человек разумный – обуза.

Мой мозг работал на пределе своих возможностей, ведь процедура восстановления организма после трёх лет в коме – это дело нешуточное. Многие люди после столь длительного пребывания в вегетативном состоянии, как говорили врачи, и вовсе не поправляются, однако, странное дело, я шёл на выздоровление очень быстро. Речь спустя пару недель постепенно начала ко мне возвращаться, как и другие функции. Я мог уже сам принимать пищу, которую подносили ко мне медсёстры, и мог отвечать на элементарные вопросы, которые мне задавали священник, Зеф или доктор. Говорил я ещё не чётко и многие слова были непонятными, но как уверяли лечащие меня врачи, это большое чудо, что я и вовсе способен что-то произносить после длительного молчания. Я верил им, и верил Зефу со священником, которые посещали меня каждый день. Они вели со мной разговоры обо всём на свете, о науке, книгах, погоде за окном (в моей палате окна не было, и я даже не знал день на улице или ночь), однако на самый интересующий меня вопрос – где Мнема – ответа не было. Я не раз, после того как начал говорить, спрашивал о Мнеме, но ни один, ни второй, ответа не давали, переводя разговоры на другую тему. Я думал, она меня бросила, ведь кому нужен был ребёнок в коме, а у неё и без меня судьба не простая с исчезновением Талии и выстрела в моего отца. Отчасти я даже поддерживал это её решение, ведь желал ей только счастья. Священник и Зеф приносили мне книги, которые сами же мне и читали, а когда их не было – их роль выполняли медсёстры. Как то раз, Зеф принёс даже самый настоящий игровой планшет. Играть я, правда, не мог – руки слушались меня плохо – но теперь я мог смотреть мультфильмы из далёкой эпохи Микки Мауса. Это меня успокаивало и отвлекало от мыслей, ведь, по сути, я оставался ещё тем ребёнком, который трудился в огороде священника.

Постепенно мои пальцы начали меня слушать, но каждое движение, даже самое мельчайшее, что я делал, отзывалось болью в мышцах во всём теле. Как говорили врачи, многие мои мышцы за столь длительное время в коматозном состоянии, атрофировались, но благодаря электростимуляции и современным технологиям мышечного роста, я скоро смогу владеть своим телом и забуду про боль. И я старался, как мог поддерживать в себе силы и время от времени напрягать свои мышцы, давая им минимальную нагрузку по советам врачей. Я мог есть уже сам, мог немного шевелить шеей и правой рукой (левая слушалась плохо), но встать с кровати я не мог. Я просто не чувствовал своих ног. Священник уверял, что главное верить и трудиться над собой каждый день, и тогда я встану на ноги. Зеф говорил про чудеса современной медицины, и что даже умирающего от рака человека можно сейчас спасти благодаря последним открытиям в медицине. И я действительно верил и старался, как мог, регулярно делая физические усилия и преодолевая боль. Бывало, я даже терял сознание, столь сильна была боль в теле и столь тщетны мои усилия, но оказавшиеся рядом врачи приводили меня в чувство, и я снова и снова работал над собой. Я буквально ломал себе кости и рвал мышцы, чтобы вновь начать двигаться, и лишь спустя очень долгое время, начался прогресс. Случилось чудо на очередной процедуре электростимуляции. Процедура не из самых приятных, отдающей дань пыткам медицины двадцатого века, но, как оказалось, эффективной. Ко всему телу, даже к голове, присоединяются электроды, по которым пускается переменный ток, дающий импульс мышцам и нервам, заставляя их пульсировать и работать вовсю. Врачи крепят катетер со специальным средством, наподобие

электролита, который гоняет кровь, как бешенное животное. За счёт этого повышается работа сердца и всех органов, но волшебные таблетки, которые дают перед процедурой, заставляют замедлять их работу, приводя организм в баланс. Такой метод электростимуляции был не совсем надёжным, и нередко люди погибали на таких процедурах, но эксперимент в трёх случаях из пяти, давал плоды, и моему молодому организму он шёл на пользу.

 Так как тело своё я не чувствовал, то проводимый через моё тело электрический ток, казался мне лёгким щекотаниям, но, по словам врачей, разряд был немаленький, заставляя меня впадать в судороги, которых я не ощущал. И вот на очередной процедуре электростимуляции, я впервые почувствовал свои ноги. Сначала лёгкое ощущение, похожее на щекотание пёрышка, но затем ощущение начало нарастать, перерастая в боль, как будто тебе ломали кости. Я закричал и потерял сознание.

Очнулся я у себя в палате, рядом стояли Зеф и доктор, имени которого я не помню и сейчас. Они улыбались.

- Что произошло? - спросил я.

- Не переживай, малыш, всё хорошо. - Заверил меня доктор. - Мы решили попробовать один способ, который ранее до этого не делали - ввели в твой организм стимулятор роста вместо общей анестезии, поэтому тебе было больно. Но твои мышцы начали работу по восстановлению, и совсем скоро ты сможешь бегать.

- Мне было больно.

- Кей, успокойся, - сказал Зеф, улыбнувшись. - Теперь всё будет хорошо! Но тебе надо продолжать тренироваться, ведь мышцам надо вспомнить, как работать, но мы уверены, что недолго тебе осталось лежать в больнице.

- А сколько я здесь?

- Ты пришёл в сознание почти год назад, и после нескольких месяцев наблюдений, мы начали работать над тобой. Время - лечит, сынок, - произнёс врач, и покинул нас.

- Кей, я понимаю, тебе не просто, - тихо сказал Зеф, - но тебе надо стараться, ведь ты сильный молодой человек и уже не мальчик. Скоро ты встанешь на ноги, и всё у тебя будет хорошо. Я позабочусь об этом.

Я хотел спросить, откуда такая забота, но был слишком обессилен чтобы говорить.

Казалось, я пробежал древнегреческий марафон, и сил у меня не было ни на что, даже чтобы говорить.

- А теперь спи, Кей, спи, и пусть тебе приснятся сны.

Зеф ушёл, и я остался в палате один. Мои глаза закрылись и я уснул.

14. Глава 14. Палата

Доктора, которые меня лечили, сделали удивительное – после трёх лет в коме и почти года процедур, я действительно вновь начал ходить. Конечно, не смотря на то, что медицина за последние века сделала открытия, которые помогли полностью победить болезни, даже рак, с простыми травмами было справиться не так просто, если у тебя нет денег. Были всевозможные процедуры, начиная от стимуляции и протезирования, заканчивая нано технологиями, однако это всё было не для нас – простых людей. Те, кто работал на Компанию, могли себе позволить жизнь без боли, мы же – простые люди, обходились по старинке анальгетиками и гипсами. Поэтому лечение в больнице, да ещё и процедуры, которые проводились, для меня казались фантастикой, но Зеф, как оказалось, мог себе это позволить. Он заботился обо мне.

Зеф посещал меня почти каждый день, ведя ничего необязывающие беседы обо всём на свете. Он рассказывал про чудеса медицины, о процедурах, которые делают врачи, о жизни в Городе. Именно от него я узнал гораздо больше о Компании – экономическом гиганте, который подчинил себе и Ареопаг, и сам Город. Он говорил, что Компания – неоднозначное явление. Без неё не мыслима современная жизнь, но и беды, которые часто происходят по её инициативе, имеют место быть. Он утверждал, что «не разбив скорлупы, омлет не получится», и в современном обществе без жертв не обойтись. Но всё же Компания была для Зефа домом, ведь он, как оказалось, один из главных магистров Компании. Должность очень высокая, если сравнивать её с «рабочими муравьями», о которых рассказывал мне отец. Но до кабинета советников или тем более директоров, Зефу было недобираться. Он был простолюдином, а в верхушке Компании те, кто родился уже со статусом.

Священник так же меня посещал, но ни он, ни Зеф, не говорили, когда придёт Мнema, и придёт ли она вообще. Поэтому для себя я решил – когда смогу встать, я обязательно найду её и спрошу, почему она даже не навестила меня, ведь она была дорога мне, и, как я думал, я ей тоже был дорог. У меня был стимул встать и начать ходить, и я, преодолевая боль и слабость в мышцах, начал ходить.

Сначала шаги давались мне с трудом, но с каждым днём всё легче становилась моя поступь, и совсем скоро я начал передвигаться почти сам, без помощи посторонних или каких то «ходунков». Я тренировался двигаться каждый день, преодолевая непослушное тело. Я вставал с кровати, нередко просто падая на пол, поднимался и делал два, три, а то и пять шагов. Для меня это было действительно прогрессом, и я был горд собой, как капитан межзвёздного корабля, который преодолел пространство в миллионы световых лет от Земли и достиг новой гигантской звезды.

В моей палате без единого окна, кроме кровати и прикроватной тумбы, так же был стенной шкаф-купе с зеркальной дверью. Лёжа в своей койке, я не мог видеть своё отражение, но начав ходить, я почти первым делом подошёл к зеркалу. На меня в отражении смотрел худой, почти темнокожий парень, не стриженный и лохматый. Руки и ноги были худы, но плечи достаточно широки. Моё отражение напоминало некую смесь пришельцев из книг фантастики прошлых веков и доведённого до истощения путника. На лице начинали пробиваться редкие волоски, что свидетельствовало о моём взрослении, которого я не помню. Глаза были безжизненны, а губы сухи, но при всём при этом я чувствовал себя сильным, ведь я вновь начал ходить, а это настоящее чудо!

В один из дней, когда моя поступь была почти уверенной, я подошёл к двери моей палаты, которая открывалась лишь когда приходили врачи или Зеф со священником. Так как я долгое время был «лежачим», дверь или окно меня не интересовали, но начав ходить, я хотел побыстрее выйти на свежий воздух и оказаться в своей родной провинции. Я мечтал выбраться из палаты и постараться начать жить как раньше, хотя понимал – как раньше уже не будет.

Подойдя к двери, я заметил очень странное явление – у двери не было ручки или замка с моей стороны, она открывалась только снаружи. Странно, в обычной больнице таких

ограничений не было, и тогда я впервые задал вопрос – где я нахожусь.

Дверь открылась, и за ней стоял Зеф.

- Кей, я рад видеть тебя на ногах. Надеюсь совсем скоро смогу видеть тебя и бегаящим по полям и просторам.

- Почему замок с одной стороны? – в лоб задал я вопрос.

- Видишь ли, Кей, ты не в простой больнице. После того как тебя нашли без сознания, тебя действительно поместили в самое простое отделение самой обычной больницы. Но врачи того заведения были бессильны тебе помочь, и тогда близкие тебе люди обратились ко мне, и я перевёл тебя сюда. Это военный госпиталь Компании для особых людей.

- Каких особых?

- Для преступников и бандитов, Кей. Но здесь одни из самых лучших врачей и надёжная охрана, поэтому я не переживаю о твоей безопасности. Но быть тебе лучше в своей палате.

Я был шокирован. Я в тюремном госпитале Компании, где вокруг меня одни преступники и мятежники. Сказать мне было нечего, но Зеф и не ждал, что я что-то скажу.

- Здесь самые лучшие врачи, как ты убедился, поэтому совсем скоро ты выйдешь отсюда новым человеком.

- Кто решил меня сюда отправить?

- Я настоял на этом. Это случилось после того как Мнema пропала.

- Мнema пропала?

- Я не хотел тебе говорить, пока мы не убедимся в твоей стабильности, но ты должен знать. Почти сразу после того как у тебя случился приступ и священник нашёл тебя и отвёз в провинциальную больницу, Мнema ушла на работу и больше не приходила домой. Священник остался один о тебе заботиться – я был далеко и не знал о твоём состоянии. Но когда деньги у священника на твоё лечение закончились, он обратился ко мне. И ты оказался здесь. Мы помогли тебе, Кей, ты должен это понимать.

- Я понимаю, и благодарен Вам за всё. Но откуда такая забота, Вы почти меня не знаете?

- Ты мне будешь очень полезен, Кей, ведь ты не простой мальчик. Но об этом поговорим, когда ты окрепнешь. А пока - тебе нужно набираться сил. Скоро ты выйдешь из своей палаты.

И Зеф был прав. Скоро я действительно покинул палату без окон, но в госпитале я провёл ещё немало времени.

15. Глава 15. Разговор за дверью.

Для правильной работы мышц, да и всего организма в целом, нужны тренировки. Без постоянных усилий мышцы просто умирают, и человек может остаться инвалидом. Я быть таким просто не мог, после трёх лет в овощеподобном состоянии, и поэтому у себя в палате я регулярно делал лёгкие упражнения, которые помогали прийти в форму.

Отжимания, поднимание туловища и другие силовые упражнения, пока давались мне с трудом, однако простая утренняя гимнастика уже была мне по плечу, и я был горд собой. Я чувствовал в себе силы, и надеялся, что совсем скоро покину палату и увижу яркое солнце и зелёную траву. Мне хотелось вернуться к прежней жизни и быть простым подростком. Но не всем желаниям суждено сбываться.

После того как мой организм более ни менее окреп, я под присмотром врачей начал выходить из палаты. Мои двери, как оказалось, не были заперты, но выходить за пределы белой комнаты мне не хотелось. Я чувствовал некий страх перед местом, где оказался по воле судьбы. Точнее по воле Зефа.

Мне разрешали выходить не дальше длинного коридора, белого и стерильного, где помимо моей палаты находилось много других дверей. Своих «соседей», однако, я ни разу не видел, и, как мне позже объяснили врачи, я нахожусь в особом корпусе, куда отправляют преступников с тяжёлыми травмами мозга. Проще говоря, мой корпус был для коматозников и «овощей», и я единственный пришедший в себя пациент. Поначалу мне было жутко это знать, ведь кроме того что меня за стенами окружали преступники и изгои, я нахожусь один в сознании на этаже, и помочь мне было некому.

Госпиталь, как объяснял Зеф, был ничем иным как одним из корпусов места содержания всех, кто идёт против Компании, однако, по его словам, именно тут работают лучшие врачи, благодаря которым я и встал на ноги. Сюда отправляли людей, преступников и мятежников, для перевоспитания и переобучения, и нередко отсюда выходят действительно хорошими людьми. Всех кто плохо себя чувствовал, отправляли в госпиталь, а тех, кто в лечении не нуждался, содержали в особых, мягких, условиях. Компания нуждается в людях, уверял меня Зеф, и Блок, так называли это место, давал этих людей.

Мне было приятно, что обо мне заботятся, ведь Зеф заходил почти каждый день, интересуясь моими успехами. И я с каждым днём всё больше и больше радовал его прогрессом моего состояния. Иногда меня посещал и священник, за что я был очень признателен. Он напоминал мне о доме и близких людях, и я старался держаться из-за всех сил. Я старался не унывать, ведь впереди – целая жизнь, и я обязательно добьюсь в ней успеха.

В один из дней, когда я лежал у себя в палате, я услышал за дверью мужские голоса. Мне стало очень любопытно, ведь врачи редко переговаривались при мне, а кроме них это могли быть только Зеф и священник. Но они крайне не часто пересекались у моей палаты или в ней, поэтому моему детскому любопытству просто не сиделось на месте. Я подошёл к двери и услышал разговор. Это действительно оказались Зеф , священник и ещё один мужчина, обладатель незнакомого приятного баритона.

- Так больше не может продолжаться. Есть много других способов, чем то, что ты здесь делаешь - уверял священник.

- Мы с тобой говорили не раз. Эта тема исчерпана. Вот парень. Ему намного лучше. Почти наверняка скоро он уже сможет выйти отсюда – задумчиво ответил Зеф.

- Разрешите, выскажусь, магистр. Если ему и вправду лучше, то мы можем начать занятия по его подготовке. - Сказал обладатель незнакомого голоса.

- Я не уверен, что это хорошая мысль. Он ещё слаб, и мало ли как отреагирует его тело. Вы знаете, для ваших целей он ещё совсем юн. – Тихо произнёс священник.

- Нет, он не юн, он как раз в самом расцвете сил, вспомни хотя бы нас в первый день подготовки.   - Несчастный случай ещё раз доказал, что он – лучший вариант, - проговорил Зеф. – И потом, находясь здесь взаперти от него мало толку. Он

начинает скучать, а от скуки у него появляются вопросы. Я до сих пор не знаю как объяснить, что стало с Мнемой, до того как ты обратился ко мне.

- Я хотел как лучше для него. У меня не было денег, и поэтому я к тебе и обратился так рано. Я боялся потерять его, как и Сола. Но я не думал, что ты решишь заняться им в столь

непростое время. - Ответил священник. - А про Мнему ничего не говори. Она пропала без вести, как и её дочь. Мои поиски на Рынке не привели к успеху.

- Ты уверен, что последнее место, где её видели это Рынок?

- Абсолютно! Мои старые связи не будут мне врать. Мнema была перед исчезновением на Рынке, и если она поступила так, как я думаю, то мы её больше не увидим. Сам знаешь, попавшая на Рынок женщина без сопровождения - лёгкая добыча для чёрных торговцев. Мнema не так стара и если она попала к ним - либо на Дальние Земли, либо на разделочный стол. Исход один.

- Либо продажа всего тела, либо продажа по частям. - Заключил Зеф, и обратился к молчавшему до сих пор третьему мужчине. - Марк, ты должен всё проверить. Если Мнema жива - она нужна нам. Если нет, то упокой Бог её душу.

- Есть, - произнёс обладатель баритона и удалился.

- Парню не слова, он и так многое пережил. - Повторил священник.

- Как скажешь, друг, - согласился магистр Зеф.

Зеф со священником зашли ко мне, едва я успел лечь обратно к себе в кровать.

16. Глава 16. Страшный сон

В ту ночь я спал плохо. Мне снился Рынок – часть нашего города, про которую не раз говорили мне отец, священник и Зеф. Они говорили, что я должен держаться от него как можно дальше, и я знал, что это плохое место, но я и не догадывался в столь раннем возрасте на сколько. Только после услышанного мною разговора за дверью, я понял всю его суть, соединив в уме услышанное от близких и прочитанное мною в книгах истории. Во сне я видел нескончаемые ряды столов, лавок и мелких магазинов, среди которых бродят серые люди разных национальностей и мастей. Выбивались из толпы богатые работники Компании, в дорогих костюмах с позолотой. Они оставили свои вертолеты и машины, спустились к нищим людям для телесных утех. В обнимку они держали двух, трёх, а то и более, совсем ещё юных, полураздетых девушек, и громко смеялись. Но то был далеко не человеческий смех, а скорее рык неведомого мне животного. Страшный рык. Среди ярких костюмов богачей, мне виделись обноски серой одежды попрошаек и подхалимов, которые так и сновали вокруг них, словно рыбы-лоцманы, подбирая остатки еды, брошенные этими «акулами» современного мне мира. Они смеялись и шутили, приговаривая, как хорошо сегодня выглядит их кормилец. Но тому было не до них – главное утолить жажду своего тела.

Были на рынке и калеки, которые просили милостыню, и непонятные мне люди в чёрных одеждах, скрывающие лица от всех. От этих людей исходила ненависть и я её чувствовал всей кожей. То там, то тут среди злых людей мелькали несчастные, которые по воле судьбы стали далитами.

Далиты – так мой отец называл людей, которые по рождению или в силу обстоятельств и долгов, имели несчастье стать современными мне рабами. И хоть рабство было отменено ещё много веков назад, по-другому как этим страшным словом, несчастных назвать нельзя было. Они выполняли за еду и приют самую грязную работу, не страшась ни закона, ни Компании. Любой, даже самый бедный свободный человек, мог нанять далита для выполнения той или иной непотребной работы. И что самое страшное – далиты не имели права отказать! Им волей судьбы суждено работать на других. Они имели особую татуировку на лице, которая свидетельствовала об их классе. Клеймили далитов ещё в детстве, и жили с клеймом они всю недолгую жизнь. А если взрослый человек задолжал Компании или её прислужникам, он пополнял ряды этих несчастных. Я поспешил отвернуться – смотреть на далитов значит дать им надежду.

Больше всех на рынке было, конечно же, торговцев, больших и грузных, жадных и завистливых. Они спорили, кричали, дрались. Каждый хотел забрать клиента себе, и за копейки готов был перегрызть глотку другому. Они были как дикие псы без намордников, которые не могли поделить кость. Псы в облике людей.

У каждого из них был свой товар, который они, что есть мочи рекламировали на всех языках Квадранта. То тут, то там слышалось «Оружие и еда», «Одежда для любого класса», «Свежая рыба из нетронутых радиацией земель», «Таблетки и припарки», и многое, многое другое. Куча голосов сливались в огромное море, и редко из этого шума можно было выловить самое страшное – «Живой товар», «Ценный груз» или, что ещё страшней, «Свежее мясо на выбор».

Моя яркая фантазия и далеко не детский ум, рисовали мне самые жуткие картины, и хоть я понимал, что это сон, что так страшно не бывает в реальной жизни, проснуться я не мог. Я, казалось, был под властью этого места, о котором наслышан и начитан с детства, и это место не хотело меня отпускать. Рынку был нужен я... И тут я увидел её.

Это была Мнema, в лёгком синем платье. На голове у неё был такого же цвета газовый платок, из которого выбилась прядь тёмных, непослушных волос. Она была задумчива, и, казалось, не видела никого. За руку её держала маленькая девочка с косичками по всей голове и в белом платье. Я понял, это Талия – девочка, которая исчезла, родная дочь Мнемы, она нашла её. Мою Талию. Я хотел позвать их, но не мог. Я снова почувствовал себя как в тот момент, когда очнулся после комы, когда моё тело было мне неподвластно.

Я хотел добежать до них, но они были так далеко. Я хотел хоть что-то сделать, но это было выше моих сил. Рынок забрал у меня всё.

Эмоции переполняли меня, а Мнema с Талией удалялись всё глубже в толпу, которая буквально их засасывала, как чёрная дыра. Затем толпа и впрямь стала чёрной, космической дырой, вне пространства и времени. Все люди пропали - псы-торговцы, акулы - богачи, подхалимы-рыбёшки, черви - далиты - никого не стало. Остался только я и окружающий меня мрак, который давил всё сильнее и сильнее. И, хоть говорят, во сне боль не чувствуешь, мне было больно, дышать я не мог, двинуться я не мог. Проснуться я не мог. Я сделал титанические усилия закричал и услышал голос.

- Кей, это только лишь сон. Просыпайся!

17. Глава 17. Новый знакомый

Проснувшись от кошмара, я сначала не понял, где нахожусь, и лишь спустя минуту я понял, что я в той же палате госпиталя Компании, где долгие дни и ночи своего взросления провёл я в одиночестве. Электрический свет от ламп ослеплял, а так как в палате не было окон, узнать какое время суток за стенами госпиталя, было просто невозможно. Возле моей кровати стоял Зеф и ещё один незнакомый мне молодой мужчина. Я понял, что уже утро, но времени я не знал – часов в моей палате не было.

- Кей, ты кричал, но это был лишь сон. Сейчас утро и ты в безопасности. – Успокоил меня Зеф.

- Мне снился рынок – страшное место, снилась Мнема и Талия. Они были там.

- Успокойся парень, это всего лишь сон, – уверил меня Зеф. – Рынок действительно страшное место, но ты сможешь постоять за себя, я тебе в этом помогу. Я тебе, наверное, говорил, что я работаю на программу, которая занимается переобучением мятежников и преступников Блока – места, где находится твой госпиталь. Наша программа весьма эффективна, и многие из тех, кто побывал в Блоке, становятся потом работниками Компании. Ты уже набрался сил, и тебе уже немало лет...

- Мне почти четырнадцать. Из них три года в коме и почти два года процедур и восстановления – довольно таки нервно перебил я, что было на меня не похоже. Сказался, по-видимому, страшный сон. – Пять лет моей жизни я провёл здесь, в этой палате, выходя лишь в коридор за дверь. Я уже хочу выйти отсюда.

- И я тебе в этом помогу. Ты выйдешь не только из госпиталя, но и станешь полноправным членом общества. Но что ты будешь делать, Кей, чем займёшься? Ты думал об этом?

- Думал, долгие дни и ночи, пока ещё не мог ходить. Я хочу приносить пользу и хочу полететь на Далёкие Земли созвездия Аструм. – Зефу не обязательно было знать, что я надеялся найти там Мнему – живой и невредимой, поэтому я сказал лишь часть моих подростковых мечтаний. – Хочу стать как отец военным!

- Твой отец действительно был сильным человеком. С ним я знаком ещё до того как попал сюда. Очень хорошо, Кей, что ты решил пойти по его стопам. Для этого я сюда и пришёл. Знакомься, это Марк. Он поможет тебе научиться разным премудростям военного дела. Молодой человек, который до сих пор стоял и молчал, вышел вперёд, и я увидел, что он не так уж и на много старше меня. Совсем ещё юный Марк казался скучающим и безучастным. Его тёмные, коротко остриженные волосы и прямая осанка выдавала в нём военного, но назвать его телосложение физически крепким нельзя было. Он больше походил на среднестатистического работника Компании, и, одев ему очки и белый халат, он с лёгкостью сойдёт за студента-медика или молодого учёного практиканта, которых немало было в Центре города. Марк сливался с толпой, и, как я гораздо позже понял, как раз в этом была его сила. Только лишь по ровной спине и холодному взгляду можно было определить, что он не простой человек. Но для этого надо было присмотреться к нему, что я и сделал, когда он подошёл ближе.

- Здравствуй Кей. Надеюсь, ты себя чувствуешь хорошо, ведь после твоего завтрака предлагаю тебе выйти из этой камеры и пройтись по округе.

Я узнал этот голос. Именно я его услышал накануне за дверь. Это Марк – обладатель приятного баритона – предложил начать мои тренировки, и ему я должен быть благодарен за свою свободу из стен палата.

- С радостью! – поспешил ответить я. – Пора уже выходить отсюда.

Марк усмехнулся, что впервые выдало в нём что то человеческое за то время, что я его увидел.

- Кей, тогда сейчас медсёстры принесут тебе завтрак и одежду на выход, а Марк подойдёт к тебе через полчаса.

Зеф и Марк вышли, оставив меня в радостном ожидании прогулки. Первой прогулки за пять лет.

18. Глава 18. Прогулка

Завтрак был сытный и вкусный. Что-что, а в Блоке были настоящие чудесники своего дела – от врачей и охраны, до техперсонала и поваров. Именно благодаря им я встал на ноги, и в свои неполные четырнадцать лет, три из которых был «овощем», моё состояние было ничем не хуже других подростков. Благодаря заботе врачей, хорошему питанию и постоянным тренировкам, я окреп и был даже слегка полноват, на мой взгляд. Но меня это ничуть не тревожило, ведь будучи подростком, я легко мог перевести лишний вес в мышечную массу, чем я и занимался у себя в палате.

По одежде, которую мне принесли сразу после завтрака, я понял, что за стенами госпиталя было лето. Лёгкая рубашка из нано-волокна и льняные спортивные брюки были как по мне сшиты. Быстро переодевшись из больничной пижамы в эту удобную одежду, я стал ждать нового знакомого. Долго ждать мне не пришлось.

Дверь открылась и в палату вошёл Марк. Когда он подошёл поближе, я рассмотрел его более детально. Он был действительно молод – лет восемнадцати или двадцати. Юноша, среднего роста, немного выше меня. Его холодный безучастный взгляд выдавал в нём непоколебимость и стойкость – отличные качества для военного. Но вот телосложение было эктоморфным и щуплым, и можно было предположить, что детство он провёл достаточно в тяжёлых условиях, возможно, в провинции на подобии моей, где для гармоничного развития ребёнка необходимы были постоянные витамины и пищевые добавки. Марк, по-видимому, в годы своего взросления это не получал. Зато по его ровной осанке можно было сказать, что он получил военное и даже суровое воспитание, которое давало ему преимущества над телосложением. Марк был рождён не солдатом, но был воспитан им.

- Кей, ты готов? – спросил меня Марк ровным голосом.

- Ещё бы! – с энтузиазмом ответил я. – Я не выходил дальше коридора слишком долгое время.

Марк усмехнулся.

- Пошли.

И мы вышли через дверь в конце стерильного коридора с палатами.

За дверью были врачи и военные, что выдавало настоящее предназначение этого места. Блок, по словам Зефа, не был тюрьмой, но и сильно от неё не отличался. Дойдя по запутанным коридорам с кучей дверей до лифта, я по табличке увидел, что мы были на третьем этаже.

- Держи, это тебе пригодится – сказал Марк и дал мне солнцезащитные очки. – Ты долго не видел солнца, и твоим глазам будет непривычно первое время за пределами палаты.

Спустившись на первый этаж, мы попали в холл, который был уставлен скудной мебелью. В середине холла была рецепция, за которой сидела молодая девушка и с кем-то говорила по телефону. Она даже не взглянула на нас, пока мы не подошли к стеклянной двери, за которой виднелась зелень листвы.

- Мы на прогулку, - коротко бросил ей Марк.

Без вопросов девушка нажала какие-то клавиши в своём компьютере, и стеклянная дверь открылась.

Выйдя на улицу, я почувствовал на своей коже солнце. Рубашка из нано-волокна не пропускала ни холод, ни жару, но лёгкое прикосновение тепла было ощутимо и приятно. Для этого и создавалась такая одежда – лёгкая, но защищающая от капризов природы, которых было немало с изменениями климата. Она способна была выдержать как низкие, так и высокие температуры, поглощая их и переводя в приятные телу условия, и нередко ею пользовались военные. Об этом, как и о многом другом, я прочитал в книгах. Но реальность куда лучше книг.

Впереди нас был мини-парк без скамеек, окружённый деревьями, за которыми виднелась стена. К ней мы и отправились.

- За этой стеной находятся остальные здания Блока. Это было сделано для безопасности

пациентов и их комфортного пребывания. – Сказал Марк, уловив, куда я смотрю.

- Блок – это тюрьма?

- Нет, скорее место перевоспитания. Можешь считать, что это школа. Сюда попадают многие люди, и обо всех них заботится Компания, делая их более податливыми для сотрудничества. Компании нужны люди и Блок даёт их.

Мы шли по тропе между деревьями вдоль стены, которая была сделана из толстенных камней. Я было хотел прикоснуться к ним, но Марк отстранил мою руку.

- Стена на самом деле выглядит лишь как каменная. Это сверхпрочный металл под напряжением, поэтому лучше к ней не прикасаться.

- Зеф говорил, так же как и ты, что Компания нуждается в людях. Но если это не тюрьма, то зачем здесь такие стены. Отсюда можно выйти?

- Ты должен понять следующее, Кей. Компания, давая людям возможность перевоспитания и переобучения, требует потом с них определённые навыки. Я попал в Блок ещё ребёнком, и Зеф и другие специалисты, помогли мне найти себя в военном промысле. Теперь я помогу тебе.

- Я читал про военных Компании. В книгах пишут, что это престижно, но отец мне рассказывал, что нередко военные творят плохие дела. Он тоже был в молодости военным. Может он и здесь был?

- Кей, твой отец, Сол, долгое время здесь считался героем. Мне Зеф рассказывал о нём., ведь в молодости они служили вместе: Сол, Зеф, и тот священник, что заходит к тебе. Он, твой отец, для Компании и своей команды делал очень многое, но однажды его на службе сильно ранили, и ему пришлось покинуть военное дело, став простым рабочим. Зеф заботился о нём как мог.

Я вспомнил визит в детстве Зефа к моему отцу и порошок, который он давал ему для «эликсира». Но я предпочёл не спрашивать об этом у Марка.

- Я признателен Зефу за то, что он сделал для моей семьи.

- И скоро ты ему ответишь на добро. Зеф поручил мне заняться твоей подготовкой, но я должен сразу тебя предупредить – будет не просто. У Компании особые методы.

- Какие методы?

- Скоро ты всё узнаешь, а пока – наслаждайся прогулкой.

И действительно, я наслаждался прогулкой под зелёной листвой деревьев. Марк более не говорил ни слова о моих будущих занятиях, зато рассказал о Городе. В провинции, где я жил, вспыхнуло восстание мятежников против Компании, и все силы были направлены на урегулирование положения в этом регионе. Компания не хотела гражданской войны, ведь война – это затраты, которые можно перенаправить на более важные нужды. Например, говорил Марк, на борьбу с чёрными торговцами, которых немало за последнее время стало на Рынке. Они занимались нелегальным предпринимательством, и часто нечеловеческим, продавая оружие мятежникам, нелегальные вещества, и даже людей, делая из них далитов. Компании чёрные торговцы не подчинялись, часто скрываясь от неё, и вся борьба с ними сводилась в рейды на их дома и лавки. Но доказать, что кто-то занимается незаконным промыслом, было очень тяжело.

 Я слушал Марка, шагая с ним по тропе. Пока мы говорили, уже стало солнце садиться, но одежда из нано-волокна не позволяла почувствовать приближающиеся холода ночи. Мы сделали несколько кругов вдоль стены, которая окружила здание Блока. Но, самое интересное, вход извне, я так и не увидел. Стена казалась сплошной, возвышаясь над деревьями на несколько метров, и хоть сами деревья были небольшими, стена казалась просто огромной.

- Уже поздно, тебе пора отдыхать. Завтра за тобой зайдут, сказал Марк, проведя меня обратно к моей палате в госпитале. – Набирайся сил, Кей.

Марк ушёл, оставив меня в одиночестве. От небывалого избытка воздуха и эмоций, я быстро уснул.

19. Глава 19. Хищники

Боль... Сильная боль во всём теле, будто я снова только вышел из комы и пытаюсь совладать со своими непослушными от долгого сна мышцами. Казалось, эта боль разорвёт меня на части, но я должен быть сильным. Боль – это лишь препятствие, а успех заключается в полном преодолении их – так говорили в Компании, и должен это чтить. Но как бы я не пытался быть верным принципам организации, которая меня поставила на ноги, мой организм после первого дня тренировок, просто не желал меня слушать. И я его в этом не виню.

На следующий день после прогулки под тенью деревьев, едва успев открыть глаза, я понял, что каким-то непонятным мне образом, я уже не в белоснежной палате госпиталя. Меня окружали множество многоярусных кроватей, на которых то тут, то там лежали незнакомые мне люди. Стены комнаты, казалось, двигались, и, преодолевая сон, я понял, что нахожусь в какой-то военной палатке, о которых в детстве мне рассказывал отец. Но как я попал сюда, для меня было загадкой.

Раздалась громкая сирена, и со всех кроватей буквально вывалились люди – совсем ещё юные мальчишки. Они, казалось, и не спали вовсе, ожидая сигнала, и, все как один по команде, начали одевать непонятные рабочего кроя комбинезоны.

- Новенький, тебе лучше встать, – сказал незнакомый мне темнокожий парень, который был ближе всего.

- Где я, и что происходит?

- Нет времени объяснять. Встань, и иди за мной.

Я встал и начал одевать такой же комбинезон, который оказался около моей кровати. Едва я это сделал и встал в строй к другим парням, в комнату вошёл незнакомый мне мужчина в форме голубого цвета с роботизированным протезом вместо руки.

- Ещё один день, господа! – произнёс он громогласным голосом. – Забудьте все сказки и начните служить на благо Компании! Боль – это лишь препятствие, а успех заключается в полном преодолении их! Запомните это раз и навсегда. Кто не будет преодолевать трудности, тот умрёт ещё до своего совершеннолетия!

- Боль – это лишь препятствие, а успех заключается в полном преодолении их! – хором, как роботы, сказали юноши. Один я, как мне показалось, промолчал.

- Сегодня для вас ещё один день в аду! Кто выживет – тот сможет заработать, кто силён – тот добьётся успеха!

- Кто выживет – тот сможет заработать, кто силён – тот добьётся успеха, – все как один повторили мальчишки за человеком без руки.

- А теперь всем выйти и начать новый день с ударной тренировки.

Все начали выходить из палатки, и я последовал за ними. Другого мне просто не оставалось – так учил меня отец, следовать приказам. На выходе мужчина с громогласным голосом меня остановил.

- Ты! Ты здесь новичок, но помни, тебе не будет поблажек. Повторяй за остальными и тогда добьёшься успеха! Называй меня магистр Стикс, и именно я начну твои тренировки.

- А Марк... – начал было я.

- Нет тут Марка, только ты, я, и это стадо! Ты или станешь его частью, или Компания зря выделяла на тебя деньги. А теперь пошёл!

И я последовал приказу.

За палаткой находилось большое поле, полное непонятных мне ям и рытвин. По краям расположились железные агрегаты неизвестного происхождения, за которыми с криками заходились совсем молодые ребята. Оглянувшись назад, я увидел ещё с десятков огромных военных палаток, за которыми была высокая, непреступная стена. На секунду мне показалось, что я в том месте, которое священник называл ад.

- Встать в строй! – Скомандовал Стикс, выйдя из палатки.

Я поспешил к другим юношам, как мне показалось, из моей палатки, которые выстроились в один строй.

- А теперь все на тренировку к главному карьёру.

Все маршем прошагали к огромной яме в середине поля. Я шёл в строю вместе со всеми, всё ещё не понимая, что происходит, но боясь послушаться. Стикс с его роботом-рукой и зычным голосом наводил ужас, и это было ещё слабо сказано.

- Все в карьер!

И все прыгнули. Лишь я замешкался, но почувствовав давление со спины, упал с трёхметровой высоты на дно карьера.

- Будешь знать, как мешкать, новичок, – произнёс Стикс, и плюнул в яму.

Я лежал на дне и боялся пошевелиться. Мне казалось, что это очередной сон, и если я не буду двигаться, то скоро проснусь.

- Эй, тебе лучше встать и не злить Стикса, – произнёс незнакомый голос.

Я поднял голову, и увидел того самого парня из палатки, который посоветовал мне следовать за ним. На тёмном лице показалась белоснежная улыбка, но карие глаза были серьёзными и непроницаемыми.

- Я – Такер, – сказал он, и протянул мне руку, помогая встать. – Тебе надо работать, и тогда проблем не будет.

- Что здесь происходит?

- Ты в Блоке, а это наши тренировки. Нам надо в этой яме отыскать блестящую руду – пирит, кто первый нашёл, тот победил. Как тебя зовут?

- Я Кей. Мне Марк говорил про тренировки, но я не думал, что они будут проходить так.

- Кто такой Марк?

- Парень чуть старше нас. Я с ним познакомился в Госпитале.

- Не знаю, кто такой Марк, но тебе лучше начать поиски руды.

И Такер начал копать... Делал он это голыми руками, без помощи какой либо лопаты, как и другие парни в нашей яме, а лишь с помощью собственных пальцев и ногтей, которые были чёрными не просто от природы, а от влажной земли карьера.

- Нашёл! – Раздался чей-то крик в глубине ямы.

И тут, как мне показалось, в один миг все замерли. Длилось это всего секунду, затем вся толпа бросилась на парня, который держал что-то блестящее в руках.

В одно мгновение толпа изменилась! Они больше не были людьми! Они были хищниками, которые сбили беднягу с ног, мутузя его что было мочи, пытаются вырвать его сокровище. Он всеми силами держал его в потемневших от работы руках, крича и моля пощады. Но люди-хищники его не слышали. Им главное было забрать его находку, а остальное – не важно.

- Что происходит? – спросил я нового друга.

- Мало найти руду, надо её защитить. Так учат в Компании, такие у нас тут законы. Если они её отнимут у парня, то он проиграл, и его выгоняют из Блока или переводят в класс рабов, а то и хуже. В общем, ни одного проигравшего больше никогда никто и не видел, поэтому проигрывать не стоит.

- А что будет, если отдашь руду сам.

- Тогда тебя считают слабым звеном и неподходящим кандидатом для Компании и переводят в другую часть Блока. Там, говорят, с людьми делают страшные вещи. Копай, ищи руду.

- Что бы меня забили как того беднягу – ну уж нет.

- Не будешь работать, тебе не дадут ужин и могут перевезти на каменоломню. Это к тем железным штукам, что ты видел у палаток. Мы их так называем, ведь там ты добытую руду стираешь голыми руками в порошок. Но быстрее – ты стираешь свои пальцы. Думаю, они тебе ещё пригодятся. Кто выживет – тот сможет заработать, кто силён – тот добьётся успеха. Копай!

И я стал копать. А бедняга нашедший кристаллы пирита, всё кричал, пока его не вытащили из ямы всего в крови, без зубов, но улыбающегося. Он победил, но мне победой это не показалось.

20. Глава 20. Приют

Прошло полгода как я оказался в Приюте - так это место называл мой новый друг, Такер. Он был неплохим парнем, моим ровесником, из небольшой провинции на подобие моей, поэтому мы быстро сдружились. Такер помогал первое время мне разобраться что к чему, и незаметно мы начали общаться более тесно. Именно благодаря ему я выживал в этой части Блока, где главными правилами было работать и ещё раз работать на благо Компании. Кто выживет - тот сможет заработать, кто силён - тот добьётся успеха. Это мы повторяли каждый день. Боль - это лишь препятствие, а успех заключается в полном преодолении их.

В Приюте были особые, волчьи законы. Заведовали всем круг военных Магистров из Компании, в число которых входил и наш Магистр Стикс, жестокий и строгий ветеран экономических войн. Он руководил нашей палаткой, которую Такер называл шалаш. Всего таких палаток было пять - наш «шалаш», «вигвам» возле душевых, «юрта» в районе кухни, «иглу» у главного здания Магистров, куда нам вход был запрещён, и «хата» у самой стены. Но, несмотря на то, что в палатках все парни были примерно одного возраста, их жители между собой не дружили - в Приюте нет места дружбе. Исключение - мы с Такером.

В подчинении военного Магистра Стикса вместе со мной и Такером находилось двадцать юношей - девушек в нашем шалаше не было, да и в других палатках я их не заметил. Такер ещё говорил, что нас готовят для тяжёлых и опасных миссий Компании, и «феям» не справится с непосильной задачей.

Я верил Такеру, ведь кроме него я ни с кем из Приюта не общался, да и друзей, как я считал, у меня не было. Зеф, Марк и священник меня, казалось, забыли, и я старался не думать о них, считая, что они меня бросили в этом месте. И хоть я их не винил - кому нужен подросток-сирота - в душе мне было очень тяжело. Образ отца, Мнемы и Талии стали постепенно угасать в моём сознании, где главной мыслью было выжить. И я выживал, но так и не понимал - ради чего.

Каждый наш день начинался с тренировки в одной из ям, где мы руками выкапывали землю и искали для Компании руду - пирит. Нашедший руду должен был её сберечь от других, которые могли силой вырывать её и присвоить себе. Не раз я становился свидетелем как счастливчика, нашедшего пирит, поднимали из ямы окровавленного и избитого другими парнями. Это считалось нормальным в Приюте, ведь ты защищаешь свой клад, на который каждый может претендовать - земля-то общая.

Магистры все эти избиения считали в порядке вещей, ведь наша работа в земле, не смотря на человеческие потери, приносила пользу. Но если ты отказывался от поисков руды, или пытался «сачкануть», тебя тут же отправляли к агрегатам по перетирке руды в порошок, где, по словам Такера, «адовая работа».

Ближе к обеду нас кормили за общим столом, куда сходились все парни из Приюта. Обед длился не более 15 минут, затем наступало время пробежек.

Пробежками в приюте называли послеобеденную тренировку (всё в этом месте было тренировкой, только не понятно было, что мы именно тренировали, говорил Такер). Те из нас, кого называли Магистры, должны были взять специальные поисковые системы - тяжеленные металлические рюкзаки под тип старомодных металлодетекторов - и бежать по полю в поисках залежей пирита. Я не разу не занимался пробежками, всё время находясь в яме, зато Такеру это доставляло настоящее удовольствие.

- Чем копаться в земле как черви, я лучше весь день буду бежать с этим баулом и искать новые залежи руды, - говорил Такер. - Так хоть меня не убьют, если я и найду что. А в один день и вовсе сбегу отсюда. Надо только найти путь.

Такер был одним из лучших поисковиков, поэтому почти всё время он бегал с двадцатикилограммовым рюкзаком, а я был в яме. Но найти хоть раз пирит мне не удавалось, хотя я старался из-за всех сил. Магистр Стикс угрюмо поглядывал на меня, ворча, что пользы от меня ноль, но я по-прежнему работал, как и все, руками выкапывая землю в поисках руды. Всё это продолжалось и в снег, и в дождь, и в жару, и в любую непогоду, пока в один весенний день во время пробежки Такер, не вывихнул ногу и его не увели в здание Магистров. В этот день я остался совсем один, но спустя Полгода в приюте, я впервые нашёл кристаллы пирита.

21. Глава 21. Клад

Это случилось после обеда, когда поисковики, в их числе и Такер, надели железные рюкзаки и побежали в поле искать залежи пирита. Я в тот день, как и обычно, был в яме с другими обитателями моего жилища, недалеко от «шалаша», и пытался найти в указанном месте долгожданные кристаллы.

Мои мысли были о Компании и о Зефе. Я размышлял, что нужно от меня другу отца, Зефу, ведь именно он – старший магистр – управлял Блоком, и именно он отправил меня в госпиталь после приступа и комы. Заботой это явно не назовёшь, ведь каждый день мне приходилось выживать среди озлобленных парней Приюта, так для чего я ему? В моих мыслях был и священник – я считал его другом, ведь в детстве он обо мне заботился и учил меня, и как он мог оставить меня?! Я думал о Марке, считая, что он обманул меня, сказав о моих тренировках, которые я представлял иначе, чем копание голыми руками в земле в поисках руды для обогащения Компании. Думал об отце – его исчезновении, жив ли он? А Мнema – где она, Талия, девочка, которая исчезла. Я остался один. Хотя у меня есть Такер, друг, который научил меня выживать...

Подняв голову к пригревающему весеннему солнцу, я увидел людей, которых называли просто рабочими. Они доставляли нам еду, одежду, всё необходимое и положенное для выживания. В этот раз они руководили огромной тележкой, на которой я увидел корчащегося от боли Такера.

- Эй, что с ним? – закричал я, выбираясь из карьера и подбегая к Такеру.

- Всё хорошо, брат, - начал успокаивать меня Такер. - Проклятые рюкзаки – с ними бежать просто невозможно. Думаю, их специально сделали тяжелеными, чтобы мы не могли упорхнуть отсюда. Я, кажется, ногу сломал.

- Новичок! – Это был магистр Стикс. Для него я таки остался новичком без имени. – Быстро в яму и за работу. Компании нужен пирит, а не твоё безделье.

- Но мой друг...

- Здесь нет друзей,- произнёс Стикс и отбросил меня на пару метров своей автоматизированной рукой.

Упав на землю вблизи края ямы, я обо что-то больно ударился головой. Когда искры из глаз позволили мне вновь видеть, я увидел перед собой небольшой блестящий камень в земле. Я интуитивно начал копать – за полгода в Приюте это был уже рефлекс – пока в моих руках не оказался небольшой кристалл пирита.

С трудом вставая с земли, я огляделся. Такера везли на тележке к зданию магистров, Стикс стоял в нескольких метрах от него, остальные копались в яме. Вдруг раздался крик и из ямы показались лица парней – чёрные от земли и злости. Они увидели у меня в руках блестящий пирит.

- Отдай его! – Сказал незнакомый мне здоровенный парень, явно старше меня.

- Что отдать? - Не понял я, всё ещё пребывая в замешательстве от падения.

- Кристалл. Отдай. Мне. Его. – Повторил парень, выделяя каждое слово и каждую букву.

- Что... - начал, было, я, но продолжить не успел.

Здоровяк набросился на меня с криками и начал душить. В моих глазах на миг потемнело, но тут руки амбала обмякли. Сзади по голове его ударил другой парень, который был не прочь и сам получить пирит.

- Тебя зовут Кей, да? – сказал он мягким и хитрым голосом.- Отдай камушек. Мне он нужнее.

- Нет. – Сказал я, приходя в себя. – Этот камень мой.

И тут хитрец бросился на меня. Я, уже немного придя в себя, успел увернуться, но попал в руки к третьему парню, который хотел завладеть камнем. В этот миг, мне показалось, что для меня всё кончено, но парень, схвативший меня, резко упал. Я увидел за его спиной Такера на тележке со злым сосредоточенным взглядом. В руках у него были горстка камней – где он их только раздобыл?

- Беги!- Успел сказать мой друг.

И я побежал! Мимо Стикса и рабочих с Такером, которые стояли и просто глазели на нас, как на зверей в зоопарке, которые резвятся и играют. Но это была не игра – это было выживание и охота за пиритом. Мне надо бежать, ведь если меня догонят, то могут просто искалечить ради кристалла, а то и убить. Я бежал мимо других ям, где копались прочие жители приюта, не обращая на меня внимания – ведь всё было в порядке вещей в этом месте – каждый спасает себя как может. Я бежал ближе к палатке, держа проклятый пирит в руках. Но тут меня кто-то резко остановил – это был тот самый первый здоровенный детина, который успел уже прийти в себя и каким-то образом догнал меня.

- Парень, отдай кристалл! Иначе, тебе не жить!

- Нет. – Чётко ответил я ему и, что есть силы, замахнулся рукой с пиритом, попав острым краем ему в висок. Амбал упал, но тут же подоспели другие два искателя пирита, которые тут же набросились на меня, колотя чёрными от земли руками и ногами.

Мне было жутко больно. Каждый их удар по моему телу отзывался в моём сознании одним вопросом – ради чего? Долбаный пирит!

Я держал кристалл в руках, не желая его им отдавать, но боль, с которой меня мутузили эти два парня, была нестерпимой, и я готов было уже разжать руки, но вспомнил, чему меня учил Такер – проигравшего больше никто и никогда не видел. А я должен был выбраться отсюда. Поэтому я из последних сил сжал пирит в руках и закричал!

Вдруг давление сверху ослабло, и один из парней отлетел в сторону. Второй продолжал махать кулаками, но и он как то резко обмяк. За его телом, которое навалилось на меня, стоял Стикс.

- Вставай! Ты отстоял кристалл.

Но встать я не мог. Моё тело меня перестало слушаться, и я с трудом мог открыть рот. Железный вкус крови не давал мне ответить Стиксу, что мне больно, и я лучше останусь здесь, на земле. Но отвечать мне ему не надо было.

- Поднять его и отвезти в госпиталь! – Скомандовал Стикс рабочим, которые замерли с Такером на тележки.

Они подняли меня и положили рядом с другом, который придерживал и не давал мне упасть на землю.

- Всё будет нормально, Кей. – Сказал Такер. – Мы вместе!

Я потерял сознание.

22. Глава 22. Методы Компании

Пока меня везли в госпиталь, который находился за стеной Приюта, я был в полубессознательном состоянии. Прекрасно понимая, что произошло, я никак не мог ответить Такеру, который придерживал меня, не давая скатиться с тележки, и пытался подбодрить, травя всякие басни. Такер был мастером анекдотов и шуток, может, потому мне с ним легко было найти общий язык. Но в тот момент мне было совсем не до смеха. Я вновь возвращался в госпиталь, который хотел забыть как страшный сон.

Отпечаток, который наложил на меня период нахождения в коматозном состоянии и дальнейшая реабилитация, остались в моей памяти на всю жизнь. И теперь, когда я переворачиваю страницы своего дневника памяти, я прекрасно понимаю, что это было одно из испытаний, которых на моём счету было не мало. Но самое страшное испытание ждало меня после Приюта и госпиталя Блока – места, напоминающего тюрьму.

Очнувшись в палате, я с трудом осознал, что совсем не чувствую боли после драки.

Казалось, я переместился во времени, и снова оказался в тот момент своей жизни, когда пришёл в себя после трёх лет в коме. Но это было не так – время вспять не вернуть, а если было бы можно, я бы всё отдал, чтобы вернуть Талию – девочку, которая исчезла. Именно с исчезновения Талии и начались все мои злоключения. Но время не вернёшь.

Я был весь в бинтах – хорошо надо мной пошутили парни из приюта – но боли не было.

Возле моей кровати стоял врач и внимательно смотрел в какую-то электронную тетрадь, хмуря лоб и почёсывая кончик носа стилусом в руке, не обращая на меня никакого внимания. Я уже хотел сказать ему что-то, чтобы он хоть как то отреагировал на своего пациента, но тут отварились дверь, и в палату вошёл мой старый знакомый. Это был Марк.

- Ну что, док? Как ваш пациент?

- Его сильно помяли, но парнишка боец! Он ещё задаст нам жару.

- И не говорите. У Компании на него большие виды, с учётом кто был его отец. Кей!

- Произнёс Марк увидев, что я в сознании. – Как ты, солдат?

- Какой ещё солдат? – пробормотал я. – Солдаты могут за себя постоять, а я так – груша для битья. Где ты был всё это время, Марк?

- Слушай, я понимаю, ты меня возненавидишь, но так надо было. Это методы Компании – сначала тебя приводят в форму, потом кидают в самое пекло. Это для твоего же блага!

- Простите, - прервал Марка доктор. – Я вам больше не нужен? А то я не хотел бы знать, о чём вы тут будете говорить. Мне дорога моя работа.

- Послушай, Док. Парень должен знать, что тут происходит, иначе он не будет с нами сотрудничать и подавно. Старший Магистр дал мне все полномочия, и этот малец переходит под мою юрисдикцию. Ты свободен.

Доктор, нахмурившись и бормоча что-то про себя вышел из палаты и мы остались с Марком наедине. За полгода Марк совсем не изменился, в отличии от меня. Шесть месяцев в приюте сделали меня крепким и выносливым, я вырос как телом, так и духом. Но многое в моей голове нуждалось в пояснении. И Марк мог ответить на мои вопросы.

- Марк, объясни, что я такого сделал, чтобы оказаться в Приюте? То, что я один, не давало вам права..

- Ты родился, и этого достаточно. – прервал меня Марк. - Впрочем, нам надо будет ещё о многом поговорить, но самое главное, как придёшь в себя ты больше не отправишься в Приют. Тебя ждёт вторая стадия тренировок.

- Но мой друг, Такер...

- Ты о том чудаке, с которым тебя доставили? Он хороший поисковик и отважный малый. Думаю, для него тоже найдётся место. Но мне надо обсудить всё с магистром Зефом.

- Зеф? Где он?! Почему он ни разу меня не навестил за столько времени?

- Это чтобы ты не привязывался к нему. Видишь ли, Зеф - старший магистр Блока, и он не может показывать слабости. А к тебе он расчувствовался, ведь ты ему очень близок, как напоминание о его друге, твоём отце Соле. Но он человек Компании и это его обязывает много к чему. Впрочем, ты и сам всё узнаешь в самое ближайшее время. А пока – отдыхай!

Скоро всё изменится.

И Марк оставил меня наедине со своими мыслями о методах Компании. Я их не понимал, и меня они отталкивали, но на тот момент я поделаться ничем не мог. Компания – это Город, Компания – это стабильность, Компания – это будущее. Так гласили лозунги, но не о таком будущем мечтает каждый ребёнок, коим был и я.

23. Глава 23. Вторая стадия

- Кей, поторапливайся! Деканат не будет ждать!

Я торопился, как мог, ведь сегодня для меня с Такером был очень важный день - день принятия Присяги, и мы опоздать просто не могли. Надев ритуальную тогу, я вышел из общежития и вместе со своим улыбающимся товарищем направился в Церемониальный Зал под палящим солнцем нашего Квадранта.

После того момента как меня избитого и покалеченного вынесли из Приюта прошло немало времени. В больнице меня часто навещал Марк, и иногда из соседней палаты добирался, прихрамывая и обманывая врачей, Такер. Его травма оказалась серьёзней, чем он думал, ведь непосильные пробежки в Приюте - неслабая нагрузка для мышц. Но Такер был сильным, и меня учил тому же. Всё ближе и ближе становились мы с ним, и всё дальше и дальше уходило моё детство в Провинции.

- Мы совсем скоро выберемся отсюда, мужик. А, благодаря твоим связям, неплохо устроимся. - Каждый раз говорил мне Такер, поедая мои угощения от врачей и Марка. И мы действительно неплохо устроились, как мне казалось в первое время. Но всему есть конец, и нашему пребыванию в госпитале в том числе.

Когда мне наконец-то позволили выйти и увидится со своим другом вне стен госпиталя, я уже пребывал в предвкушении изменений, о которых говорил Марк, заходя ко мне в палату, о второй стадии тренировок. И она не заставила себя ждать, и это было самое лучшее время в моей жизни.

Мы с Такером были переведены в Общежитие при Блоке - более щадящем месте, чем наш дом до этого. В Общежитии, как и в Приюте, так же было много парней нашего возраста и постарше, но, в отличии от Приюта, все были чисты, красиво одеты и что самое главное - дружелюбными. Действительно, окружение и условия много значат, ведь тут всё было по-другому, и то, что мы видели, придавало нам уверенности, что все кошмары позади. Марк в первый же день нашей выписки объяснил, что теперь пришло время второй стадии, и мы с Такером переходим в его распоряжение, как главного курсанта. Марк так же рассказал, что вторая стадия - это стадия обучения и нас ждёт немало испытаний, прежде чем мы встанем на службу в Компании. И, хоть мы с Такером не стремились стать работниками Компании, нам деваться некуда было - мы были одни и кроме Марка я никого из своего прошлого не видел. У Такера, как и у меня родных не было - все они погибли при пожаре, и его за несколько лет до меня забрали в Приют, где он стал неплохим поисковиком и мне товарищем. И наша дружба для меня много значила.

В Общежитии главное правило было - не нарушать дисциплину, которая была несложной, если разобраться. Утром у нас были занятия, на которые лучше было не опаздывать, иначе наказание в виде работ по Общежитию. Нас учили военному делу: стратегии и топографии, стрельбе, полевой медицине, химической, биологической и экологической защите и ряд других направлений, которые позволили бы нам стать работниками службы безопасности Компании, что являлось очень почётным. Марк первое время провожал нас по аудиториям, где были Деканы и другие курсанты, но спустя полгода перестал это делать. Он был выпускником, и его ждала служба, так что скоро ему пришлось с нами распрощаться, и мы с Такером остались совсем без поддержки. Но нас это не пугало - мы быстро освоились и приняли свою судьбу. Тем более что нам нравилось то, что мы делаем. После утренних практических занятий был обед и время на отдых, которое мы проводили просто засыпая - нагрузка на занятиях была не меньше, чем в Приюте, но нас это только радовало, ведь в отличии от Приюта и постоянных поисков пирита, занятия приносили нам удовольствие. И не меньше чем от утренних практических занятий, мы получали радость и от послеобеденных занятий по юриспруденции, истории, астрономии и ряду других наук, которые позволяли нам расширить свой кругозор. А так как я с детства любил читать книги, мне давались эти занятия с лёгкостью, в отличии от Такера, которому была ближе практическая часть.

Затем, после теории, как мы её называли, были тренировки в спортзале и на свежем

воздухе, ужин, и, изнемогая от усталости, мы вновь возвращались в спальный корпус. И так было из за дня в день в течении трёх лет, и к тому моменту как нам с Такером исполнилось по шестнадцать, мы стали достойными курсантами Общежития, или, как его называли в более подобающей манере и высоких кругах, Академии. И вот, после долгих лет обучения и тренировок, для меня с моим другом настал главный момент в нашей непростой судьбе – момент принятия Присяги, которая свидетельствовала о том, что мы не просто становились полноправными жителями Города нашего Квадранта, а становились резервом для Компании, которая так нуждалась в людях.

24. Глава 24. Присяга

Церемониальный зал находился в другом здании, и чтобы дойти до него, мы с Такером решили пройти через небольшой парк в центре Блока. Не жаркое весенне солнце приятно согревало тело через тонкую ткань тоги, и мы чувствовали себя превосходно. Сегодня мы наконец-то станем частью Компании, частью общества, а это для нас, простых жителей провинций, было очень значимо.

- Ты веришь, что мы прошли через всё это? – Не смолкал всю дорогу Такер. – Вот ты, простой парень из глубинки и я, выросший в Приюте, мы смогли это сделать, брат!

- Такер, всё в жизни происходит не случайно. Видимо, мы были рождены, чтобы пройти все испытания и стать теми, кто мы сейчас. И это по-настоящему здорово!

- Да, друг, твоя правда. Только мне до сих пор не верится!

Вот так, беседуя и шутя, мы вошли в большое одноэтажное здание в центре парка.

Церемониальный зал превосходил все наши ожидания, и был просто огромным светлым помещением, с неким сочетанием аскетизма и, одновременно, роскоши. Такое странное сочетание несочетаемых деталей, делали его поистине уникальным, но отнюдь не безвкусным. Высокие античные колонны поддерживали потолок, который благодаря новейшим технологиям представлял собой небо на закате. Но темно в зале не было, и мы разглядели вдоль стен бюсты известных людей, которые немало вложили в дело Компании, и о которых нам рассказывали на уроках истории. Центр зала был свободен и просторен, а ближе к краю обрамлялся постаментом для Магистров, которые серьезно взирали на стоявших в смирении курсантов Академии, ожидавших начала присяги. Всё в зале напоминало храм, и свои шутки и разговоры, мы с Такером оборвали на полуслове. В такой атмосфере шутить было даже не пристойно.

С тех пор как экологический кризис и экономические войны коснулись всей планеты, люди решили уделить особое внимание своим истокам, и в качестве не только модного веяния, но и необходимости к существованию, были приняты многие традиции и законы античности. Древняя Греция и Римская Империя, хоть и существовали много тысячелетий назад, вновь возродились в культуре, моде и даже именах юношей и девушек моего времени. Однако, не смотря на возвращение к прошлому, люди продолжали пользоваться новейшими благами цивилизации и научной мысли. Такое сочетание культур позволяла существовать не один век, и многим, мне в том числе, это чрезвычайно нравилось – сочетание античности и новейших эпох.

В зале церемоний всё говорило об этой интеграции старого и нового порядка, и даже читалось на лицах парней и девушек, которые, как и мы должны были сегодня обрести билет в жизнь. Со спартанским спокойствием велись беседы на самые разные темы, но негромко, не нарушая атмосферу. Однако каждый друг друга слышал, хотя в зале было не менее трёхсот людей, не считая педагогов и Магистров. Однако, не смотря на такое количество народа, было очень просторно и уютно, никто не толпился, все друг друга понимали, и мы с Такером решили пройти в самый центр зала.

- Парни, ну наконец-то! Я думал, вы уже решили пропустить праздник. – Это был Марк, которого мы не видели уже около двух лет.

За время, что мы его не видели, Марк не изменился совсем. Всё так же он выглядел как парень лет двадцати, среднего роста и не крепкого телосложения, но с холодным и проникновенным взглядом. Одна деталь только выдавала в нём нелёгкие годы вне Академии – в волосах его прокралась седина.

- Марк! Ты ли это дружище, сколько лет! Смотрю, совсем старым стал. – Поприветствовал в свойственной ему манере друга Такер.

- Вы бы знали, где я побывал – в жизни бы не поверили. Но сейчас не об этом. Скоро начнётся церемония, а после – мне с Вами надо будет поговорить. И, Кей, – обратился Марк ко мне. – Без лишних эмоций.

Я сначала не понял, о чём Марк говорил, но после приветственных слов деканата, мне всё стало ясно. На постамент из задней двери в белой робе вышел Старший Магистр

